

**В форуме «Академическое сообщество в условиях
“новой публичности” интернета» приняли участие:**

Екатерина Андреевна Арье (Научное бюро цифровых гуманитарных исследований “CultLook”, Москва)

Мария Вячеславовна Ахметова (Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва)

Андрей Григорьевич Возьянов (Университет Регенсбурга, Германия)

Оксана Владимировна Мороз (Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы / Московская высшая школа социальных и экономических наук / Научное бюро цифровых гуманитарных исследований “CultLook”, Москва)

Жаксылык Муратович Сабитов (Евразийский национальный университет, Астана, Казахстан)

Елена Константиновна Соколова (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Влад Струков (Vlad Strukov) (Университет Лидса, Великобритания)

Андрей Владимирович Тугорский (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Роман Юрьевич Федоров (Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН / Тюменский государственный университет)

Академическое сообщество в условиях «новой публичности» интернета

С развитием технологий академические коммуникации все больше перемещаются в цифровые среды и опосредуются цифровыми медиа. Благодаря социальным сетям исследователь и его личное и профессиональное общение теперь открыты любопытствующим взорам широкой публики, в том числе его информантов. Важные дискуссии разворачиваются в социальных сетях, там же завязываются научные контакты, тексты статей размещаются для обсуждения в интернете еще до публикации. Эта практика приходит в противоречие с политикой некоторых рецензируемых журналов. Участники «Форума» в своих ответах на вопросы редколлегии о научной жизни и исследовательской этике в условиях новой публичности затрагивают такие проблемы, как разделение между личным и профессиональным пространством в социальных сетях или использование в научной работе текстов личного характера, опубликованных онлайн.

Ключевые слова: интернет, новая публичность, этика, онлайн-публикация, социальные сети, цифровые медиа, социальные медиа, цифровая этнография, «удаленная этнография».

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С развитием технологий академические коммуникации все больше перемещаются в цифровые среды и опосредуются цифровыми медиа. Важные дискуссии разворачиваются в социальных сетях, там же завязываются научные контакты, тексты статей размещаются для обсуждения в интернете еще до публикации; книги, статьи и даже исследовательские дневники пишутся онлайн и открыты комментариям коллег и широкой публики. Можно сказать, что радикальный сценарий развития цифровой науки (e-Research) — перенесение в цифровую среду всего исследовательского цикла, от сбора материала до представления и обсуждения результатов, — постепенно воплощается, по крайней мере, в исследовательской коммуникации. В книге, посвященной актуальным реалиям науки цифровой эпохи, Кристин Боргман указывает, что, с одной стороны, цифровые коммуникации делают возможным свободное течение идей и их неограниченное обсуждение, а значит, технологически поддерживают идеалы открытой науки. С другой стороны, они нарушают давно сложившийся баланс между исследователем, издателем и библиотекой: научные статьи появляются в интернете раньше, чем проходят рецензирование и публикуются в журнале, один

текст может существовать в цифровом пространстве в нескольких версиях, так что возникает вопрос авторитетности оценок и легитимности публикаций [Borgman 2007].

Для исследователей, работающих с людьми, важно, кроме того, что в интернете размываются границы и между публичным и приватным, и между «полем» и «кабинетом». Благодаря социальным сетям исследователь и его личное и профессиональное общение теперь открыты любопытствующим взорам широкой публики, в том числе его информантов. Особая социальность интернета — поле, которое активно осваивают антропологи и социологи, а этика исследований в условиях радикальной публичности сети — тема отдельных глав в руководствах по методам исследований онлайн [Kendall 2002; Miller 2011; Eynon, Fry, Schroeder 2008].

Редколлегия «АФ» предложила читателям поразмышлять о роли цифровых коммуникаций в их научной жизни и ответить на следующие вопросы:

- 1 *Пользуетесь ли вы социальными и научными сетями (блоги, Facebook, Academia.edu и проч.) для научной работы? Если да, то каким образом, и как это влияет на вашу исследовательскую повседневность? Важны ли для вас различия между социальными и научными сетями?*
- 2 *Насколько значимо для вас обсуждение результатов вашей научной работы в социальных сетях по сравнению с рецензированием и публикацией в журнале? Учитываете ли вы, что ваша лекция, доклад, сообщение могут появиться в социальных сетях независимо от вашего желания? Некоторые журналы не принимают тексты, появившиеся в сети, поскольку считают их уже опубликованными. Каков, по вашему мнению, статус научного текста, появившегося в сети, например для предварительного обсуждения? Можно ли считать это публикацией?*
- 3 *Должно ли, на ваш взгляд, участие в научной коммуникации онлайн (комментирование, ведение специализированных групп или рассылок) учитываться в формальных процедурах оценок научной деятельности сотрудника в исследовательских организациях?*
- 4 *Влияет ли ситуация новой публичности на вашу научную индивидуальность? Пытаетесь ли вы как-то контролировать границы своего научного пространства? Считаете ли вы нужным разграничивать научную работу и общение в интернете, а также ограничивать доступ широкой публики (и / или информантов) к вашим профессиональным социальным сетям? Сталкивались ли вы с проблемой авторства, скажем, в случае активных обменов идеями в социальных сетях? Допустимо ли, на ваш взгляд, ведение открытого полевого дневника онлайн в этнографическом исследовании?*

5 *Используете ли вы материалы социальных сетей в своей работе? Насколько допустимо использовать материалы, связанные с такими проявлениями публичности, как открытые сетевые дневники, различного рода признания (подобные недавнему флешмобу в Facebook «#Я не боюсь сказать / #Я не боюсь сказать» о женском опыте переживания насилия) в своей научной работе? Как в таких случаях разграничивать научное и личное общение? Нужно ли предупреждать «информантов» о том, что их реплики будут использоваться исследователем?*

Библиография

- Borgman C.L.* Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and the Internet. Cambridge, MA: The MIT Press, 2007. 336 p.
- Eynon R., Fry J., Schroeder R.* The Ethics of Internet Research // The SAGE Handbook of Online Research Methods. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2008. P. 23–41.
- Kendall L.* Hanging out in the Virtual Pub: Masculinities and Relationships Online. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2002. 309 p.
- Miller D.* Tales from Facebook. Cambridge: Polity, 2011. 220 p.

ЕКАТЕРИНА АРЬЕ, ОКСАНА МОРОЗ

2

Мы — выходцы из академической среды, однажды принявшие решение превратить свои исследовательские интересы (а именно увлечение New Media Studies и близкими профессиональными полями) в основу собственного цифрового проекта. Не имея специального образования в области веб-дизайна или программирования, а также опыта по запуску стартапов, но зная, как в сети достать обучающие tutorials на любую тему и чувствуя наличие достаточной энергии для реализации задуманного, мы создали сайт <<http://cultlook.org/>>, а затем зарегистрировали соответствующее АНО.

Екатерина Андреевна Арье

Научное бюро цифровых гуманитарных исследований "CultLook",
Москва

Оксана Владимировна Мороз

Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы / Московская высшая школа социальных и экономических наук / Научное бюро цифровых гуманитарных исследований "CultLook",
Москва
oxanamol@gmail.com

Почему мы решили, что научный коллектив, целью работы которого выступает продвижение норм цифровой культуры, прежде всего в образовательных, академических и — шире — профессиональных сообществах, будет востребован? Во-первых, ровно по той причине, по которой в «АФ» появились обсуждаемые вопросы. Существование в режиме онлайн стало нормой повседневности человека, обязательным элементом бытования многих профессий и, в том числе, реальностью академической среды и преподавательских практик. Однако, опираясь на собственные наблюдения и опыт

коллег, мы можем свидетельствовать — представители социогуманитарного знания довольно часто демонстрируют недостаток цифровой грамотности: не используют новые возможности коммуникации, позволяющие быстро решать проблемы командной работы; игнорируют стратегии открытой репрезентации собственных позиций и навыков с помощью медиа (блогов, собственных сайтов и т.д.); не знакомы с нормами использования продуктов, маркированных лицензиями Creative Commons; отказываются признать применимость для академического пространства таких стратегий управления, как agile / remote management (методы гибкого управления проектами и удаленного менеджмента), которые давно и успешно реализуются в средах, нацеленных на производство конкретных продуктов и результатов. В конце концов, “being digital”, о котором говорит Лев Манович, заключается не столько во владении очевидными онлайн-инструментами (вроде менеджеров библиографий), сколько в умении видеть в «цифре» полноценную среду, отсутствие реализации в которой означает редукцию эвристического потенциала исследователя.

Во-вторых, наша срединная позиция — между учеными, по меткому выражению Х.У. Гумбрехта, сидящими в башне из слоновой кости, журналистами и производителями медиа — позволила увидеть проблемы разных индустрий и сообществ, которые могут решаться только в диалоге. Начав изучать особенности цифровой культуры, мы обнаружили несколько важных и общих «болевых точек»: отсутствие информированности о принципах существования онлайн-пространства, недостаточность знакомства с цифровыми инструментами, полезными для профессионального существования, невнимание к технологическим и социальным изменениям, меняющим качество профессиональной жизни и провоцирующим увеличение разрыва между Digital Visitors и Digital Residents.

Опыт работы в CultLook дает нам возможность пересмотреть и собственное отношение к интернету, сети, медиа и контенту. Мы остались пользователями, чья профессиональная деятельность во многом связана с общением онлайн, но приросли навыками так называемого “produsage” (см. подробнее: [Bruns 2008]). В результате нам удалось сформулировать принципы, релевантные для нашей работы и работы партнеров, с которыми мы сотрудничаем как с авторами научных лонгридов и участниками проводимых исследований. Эти принципы во многом отвечают на заданные в «АФ» вопросы.

2**4**

Принцип № 1. Публикация научных материалов в сети в свободном доступе лучше, чем в рецензируемых журналах.

Рецензируемые журналы кажутся нам замечательным способом инициации профессионалов, входящих в те или иные сообщества. И коль скоро наукометрия предполагает, что оценить эффективность научного сотрудника или преподавателя можно по количественным показателям, тем, кто планирует посвятить себя Академии, стоит помнить о редакционных требованиях и пробиваться в журналы из различных баз цитирования. Однако наличие статуса рецензируемого журнала не означает, что изданные статьи будут доступны широкой аудитории. Напротив, научные журналы нередко выглядят как подобие корпоративных СМИ, которые готовят и читают примерно одни и те же люди. И, кроме того, на наш взгляд, наука вовсе не должна быть ограничена деятельностью корпораций, которые предъявляют на нее права по факту наличия определенного институционального статуса. Ученый вполне может представлять результаты своих исследований в модусе популярной или публичной науки (например, посредством международного проекта TED Talks или российского проекта ПостНаука), в том числе ориентируясь на интернет как новое публичное пространство, делающее знание потенциально более доступным¹.

В нашем бюро, работающем в числе прочего с переводами статей знаменитых экспертов (например, Л. Мановича, М. Доза, Р. Гамбарато) и публикациями оригинальных текстов русскоязычных авторов (как вполне состоявшихся вроде О. Демидова, А. Куманькова, В. Бейненсон, так и молодых — В. Араловой, О. Балзату, Д. Левина), мы сделали ставку на формат научного лонгрида. По сути, это те же статьи, написанные на чуть менее терминологически нагруженном языке и снабженные различными картинками и видео. Такое сочетание контента позволяет сделать знакомство с текстами удобным для людей с разными привычками к восприятию вербального / визуального материала. Распространение лонгридов происходит на страницах CultLook в социальных сетях “Facebook”, «ВКонтакте», в микроблогинговом сервисе “Twitter”. Сейчас мы работаем над созданием возможности для донорства: за небольшое пожертвование наши подписчики в скором времени смогут получать pdf-версии статей или материалов по типу tutorials. По сути, донорам ежемесячно будут рассылать некий журнал со всеми материалами, подготовленными командой за истекший период.

¹ По данным аналитиков, на сегодня почти половина населения планеты имеет доступ к интернету, почти каждый оснащен мобильным устройством, а успешное развитие Mesh-сетей, построенных на использовании Wi-Fi и Bluetooth-соединений, ведет ко все большему количеству подключений как к привычным централизованным, так и к локальным сетям. Подробнее о возможностях интернета решать проблемы ограниченного доступа к информации см.: [Baker 2014; How Mesh Networks Work? 2012; Warschauer 2003].

Как видно, нам крайне важно, чтобы пользователи реагировали на нашу деятельность, фактически «голосую» за нее с помощью лайков, процедур «шеринга» и «репоста» (как практик одобрения) и даже оказывая нам финансовую поддержку. С одной стороны, подобное стремление к соучастию потребителей контента позволяет потенциально повысить уровень гражданской сознательности, а значит, дополняет наш просветительский и образовательный проект еще одной мерой социальной ответственности. С другой стороны, именно комментарии пользователей, их ответы на предложения и вопросы, которые мы оставляем в целях улучшения работы бюро или повышения качества выпускаемых материалов, позволяют увидеть, чего именно — тематически, содержательно — не хватает нашей аудитории, которая, как мы знаем, включает в себя не только представителей академического сообщества.

Так что для нас, конечно, обсуждение в сети важнее, чем публикация в рецензируемом журнале. Кроме того, одна рекомендация от лидера индустрии, представленная онлайн, бывает гораздо ценнее по своим последствиям, чем факт публикации в журнале даже с известной своей строгостью редакционной коллегией. Одобрив публикацию, журнал демонстрирует, что вы достойны быть включенным в поле профессионалов, объединенных общими представлениями о научных (сиречь корпоративных) нормах. Рассказывая в сети о вашем тексте, выпущенном на просветительском портале, эксперт свидетельствует *orgi et urbi* о необходимости прислушиваться к вашим суждениям.

2

Принцип № 2. Публикация материалов в свободном доступе требует от автора готовности «делиться».

Все материалы, что мы размещаем в свободном доступе, открыты пользователям. А в условиях существования сервисов типа <http://sci-hub.cc/> даже самый неискушенный читатель может найти нужные тексты первоисточников. И конечно, стоит помнить заповеди М. Кастельса: интернет создавался как среда для свободного обращения информации, значит, никто не гарантирует, что к авторским правам все будут относиться с уважением. Это тем более актуально для российского контекста: наши соотечественники предпочитают незаконно скачивать любой контент, отрицая необходимость платить за представляемые в сети данные.

Как решить проблему незаконного приобретения (скачивания, копирования) контента, права на который принадлежат вам? Никакого абсолютного решения нет, поскольку нередко стремление присвоить чужое может принимать самые неожиданные формы. Многие, полагаем, сталкивались с появлением в прессе

материалов по мотивам собственных открытых лекций, на запись которых журналисты не брали согласия. Или, например, с использованием публикаций в социальных сетях (статусов, комментариев) в качестве озвученной публичной позиции.

Мы придумали следующий выход из ситуации: отключили на сайте возможность копирования элементов публикации. Ни один текст, ни одна картинка или список литературы не могут быть скопированы читателем. Единственный шанс получить pdf-версию публикаций, открытую для редактирования, как мы писали раньше, — совершить небольшое пожертвование. Но есть и другие варианты действий. Л. Манович или Г. Дженкинс просто выкладывают свои статьи на персональном сайте и в блогах, позволяя заинтересованным пользователям знакомиться с ними в свободном режиме. Обоснованием их подхода служит отсутствие интереса в монетизации исследовательской деятельности (даже путем запуска краудфандинговой поддержки): статьи и книги создаются на университетские и международные исследовательские гранты. Однако надо понимать, что, например, для организации авторизованного перевода даже таких абсолютно «открытых» текстов нужно связаться с правообладателем. Наконец, существует и третья, самая простая стратегия. Занимаясь научной, исследовательской и преподавательской деятельностью, мы руководствуемся некоей этикой, которая предполагает предоставление вонне верифицируемой информации. Если в соблюдении этой этики мы абсолютно последовательны, то даже несогласованная с нами публикация наших же выступлений никоим образом не отразится на нашей репутации.

Принцип № 3. Статус научного текста, опубликованного онлайн, определяется правообладателем и нормами площадки, которая обеспечивает публикацию. Но не стоит надеяться на то, что все представители вашего сообщества с этим статусом будут согласны.

Для нас как команды бюро CultLook предпочтительно позиционирование себя в академическом пространстве в качестве “digital in humanities”, т.е. профессионалов, использующих знание о нормах и структурах цифрового мира в процессе проведения гуманитарных и социальных изысканий с вполне классически формулируемыми исследовательскими вопросами. Такая идентичность выражается в числе прочего в неготовности делить практики (например, дискурсивные) на те, что существуют изолированно либо в офлайн-, либо в онлайн-мире. Именно поэтому публикация для нас всегда остается артикулированной публичной позицией — распространяемой с учетом цифровых норм или в ситуации их игнорирования.

Мы не видим проблемы в перепечатывании (правда, с некоторыми форматными изменениями) уже ранее опубликованных текстов — и готовы дать ссылку на оригинальный вариант работы. Кстати, такой подход абсолютно нормативен для англоязычной среды. Например, коллектив авторов во главе с М. Кастельсом сначала создал научную статью под названием “The Future of Journalism: Networked Journalism” для журнала “International Journal of Communication”, а потом использовал этот текст, указав факт его научной публикации, при подготовке цифрового проекта “Multiple Journalism. A Field Guide for Independent Journalists”¹. Превращение опубликованных в сети текстов в научные статьи тоже по-своему замечательный факт. Он означает, что авторы, попробовавшие описать определенную проблематику в относительно популярном формате, решили продолжить работу над темой и предъявить результаты более узкому, профессиональному сообществу. Возможно, получив от собратьев по цеху одобрение своих изысканий, они «вернутся» в сеть: для конституирующего заявления о полученных результатах или их калибровки в более широкой аудитории.

Мы уверены: взаимодействие с интернетом как публичным пространством требует от всех участников понимания различий жанров. Мы же понимаем, что часто текст, принимаемый к публикации в научный журнал, слишком тяжеловесен для сетевых проектов. Да и в интернет-пространстве обеспечить себе публикационную активность непросто. Конечно, возможностей представить текст онлайн сегодня множество — можно писать для электронных научных изданий, популяризирующих науку проектов («Арзамаса», «ПостНауки», “T&P”, «Сигмы», «Дискурса», того же “CultLook”), блог-платформ (Medium), — но каждое из этих пространств выдвигает определенные требования к текстам. Публикации подлежат те тексты, что построены в соответствии с редакционной политикой площадки, а она включает в себя и представление о «формате» публикации (например, о ее принадлежности определенной нарративной или дискурсивной модели).

Можно сказать: да, с некоторыми форматами авторы знакомы лучше, с другими — хуже, но при желании овладеть каждым из них не слишком тяжело. В действительности создатели платформ нередко идут навстречу своим авторам: мы, например, сами верстаем наши лонгриды, авторам остается лишь написать текст, прислушавшись к нашим инструкциям, и подобрать желаемый и адекватный по качеству визуальный материал.

¹ <<http://multiplejournalism.org/>>.

В результате наши эксперты создают тексты, в довольно большой степени отличающиеся от классических научных статей — и по содержанию, и по оформлению.

Однако понимание норм цифровой культуры означает не только умение переключаться между форматами, но и внимание к ограниченности функционала площадок, с которыми вы взаимодействуете онлайн. Например, когда дело касается простого использования профессиональных социальных сетей, нет смысла думать о редакционной политике — ее не существует. Зато, выкладывая, например, в Academia.edu макет текста для обсуждения, можно вспомнить о корпоративной этике, которая отличается известной волатильностью. На наш взгляд, в этой ситуации стоит проверить, не включает ли в себя политика издания (онлайн или офлайн), для которого вы пишете текст, запрет на его репрезентацию онлайн в любом варианте. Мы, скажем, поостереглись бы пользоваться функцией открытого обсуждения: в рунете такая норма цифровой культуры как уважение к чужой интеллектуальной собственности далеко не так широко распространена, как хотелось бы. Иначе мы не наблюдали бы столько скандалов, связанных с плагиатом в научных изданиях и диссертациях. Значит, никто не сможет дать гарантий, что предоставляемый разработчиками соцсети инструментарий будет использован корректно и без злого умысла, увы.

Если же речь идет о сотрудничестве с цифровыми проектами, надо иметь в виду, что взаимодействие происходит не просто с определенным алгоритмом в форме площадки, но с командой, которая профессионально работает в онлайн-среде. Эти люди сами настраивают политику своего издания (или, шире, пространства), и к их рекомендациям стоит прислушиваться. К сожалению, написав десятки статей и книг, люди нередко имеют малое представление о том, как пользователи «читают» сайты, сколько времени они в среднем готовы провести на странице или какой «глубины» достигает их знакомство с сайтом. Все эти показатели могут казаться пишущему незначительными, но качество погружения в созданный текст и, соответственно, популярность публикации (кстати, как и показатель авторской востребованности) во многом зависят именно от внимательного соблюдения описанных «правил игры».

Резюмируя, отметим: на наш взгляд, освоение академическим сообществом «новой публичности» интернета сопряжено с рядом проблем. И дело даже не в том, что мы часто демонстрируем недостаток знания о том, как устроен интернет, каковы его возможности в качестве приватно-публичного поля для коммуникации или какими инструментами нужно овладеть, чтобы

быть грамотным. Очевидно фундаментальное нежелание видеть основы цифровой культуры, которая, с одной стороны, требует открытой циркуляции знания между professionals и amateurs, а с другой стороны, ждет от пользователей значительной личной ответственности за любые репрезентируемые практики. И если типичный для науки снобизм еще может быть преодолен теми, кто готов работать в соответствии с нормами popular / public science, то недостаточность ответственности — вопрос, обсуждать который стоит применительно ко всем общественным процессам, влияющим на функционирование далеко не только науки.

Библиография

- Baker A.* “Cultural Imperialism Is Dead”: Castells. 2014, July 18. <<http://artsonline.monash.edu.au/journalism/cultural-imperialism-is-dead-castells/>>.
- Bruns A.* Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Produsage. N.Y.: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2008. 418 p.
- How Mesh Networks Work? 2012, Dec. 4. <http://www.youtube.com/watch?v=tYLU755T6_I>.
- Warschauer M.* Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. 274 p.

МАРИЯ АХМЕТОВА

1

В настоящее время я пользуюсь для научной работы Facebook и Academia.edu, до недавнего времени пользовалась блогами (пока компания «Яндекс» не ограничила поиск по блогам вначале двумя, а затем одним месяцем с даты запроса, что стало огромной проблемой для многих, чьей сферой исследования является современный русский язык и язык интернета, сетевая культура, фольклор, в том числе сетевой, и т.д.). Что касается разницы между социальными и научными сетями, возможно, я неправильно поняла вопрос, но для меня различия между ними имеют исключительно функциональный характер: специфика использования каждого ресурса определяется его интерфейсом и техническими возможностями, а также степенью популярности.

Мария Вячеславовна Ахметова

Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва
malinxi@rambler.ru

Например, если еще пять лет назад «Живой журнал» (далее — ЖЖ) был вполне подходящей площадкой для ведения дискуссий или создания опросов, то сейчас в связи с массовым «переселением» пользователей в Facebook более плодотворными оказываются дискуссии именно в этой социальной сети. В Facebook удобнее обсуждать какие-то научные проблемы (здесь крайне упрощает жизнь возможность приглашения к обсуждению конкретного пользователя), уточнять библиографические вопросы, получать и сообщать информацию о научных событиях и книжных новинках и т.д. Academia.edu удобнее для того, чтобы размещать свои публикации и читать то, что разместили коллеги (как сеть для общения лично я ее не использую и, если честно, те немногие дискуссии на этой площадке, которые я наблюдала, были гораздо более вялыми, чем те, которые разворачиваются в Facebook и разворачивались в ЖЖ периода его расцвета; впрочем, это не значит, что плодотворные дискуссии там не ведутся вовсе). Блоги — поле для наблюдения и исследования, хотя последнее сейчас затруднено по изложенной выше причине.

Социальные и научные сети — огромное подспорье в работе. Обнаружение скана публикации на Academia.edu существенно экономит время, которое в другом случае было бы потрачено на поездку в библиотеку. Дискуссия в Facebook, в которой участвует множество заинтересованных коллег из разных городов, к тому же высказывающих свое мнение с позиций разных дисциплин, может оказаться более полезной, чем, например, обсуждение на одной из множества параллельных секций конференции, когда в аудитории сидит пять человек (потому что половина не смогла приехать), а то, о чем говорит докладчик, по-настоящему интересно только одному (потому что организаторы конференции, составлявшие программу, физически не могут, да и не обязаны учитывать интересы всех и каждого).

2

На мой взгляд, речь идет о вещах, разных с точки зрения прагматики. Обсуждение в социальных сетях значимо в плане обмена мнениями, получения информации, в том числе о сделанных ошибках, и в этом смысле оно мало чем отличается от неформальных дискуссий онлайн, например в кулуарах конференции. Рецензирование значимо в том смысле, что оно позволяет скорректировать либо конкретную статью (в том числе — с учетом политики конкретного журнала с целью публикации в нем), либо вообще собственные исследовательские, публикационные и прочие стратегии. Ну а публикация (если не брать в расчет то, что ею отчитываются по гранту, НИРу и т.д.) — это, прошу прощения за громкие слова, некоторая вежа, то, что не вырубешь топором и за что будут судить потомки. (Впрочем, как показывает практика, мнение сообщества

о компетентности ученого вполне себе составляется и по его высказываниям в Facebook, но все же пока эти высказывания не являются основанием для его формальной оценки, не цитируются в рецензиях на его работы и т.п.)

То, что моя лекция, доклад, сообщение могут появиться в социальных сетях независимо от моего желания, я стараюсь учитывать. В ситуациях, предполагающих взаимное доверие между докладчиком и аудиторией (например, если это узкий семинар, на котором присутствуют только «свои»), можно заранее попросить не фиксировать выступление или не размещать его в открытом доступе. Конечно, в случае игнорирования просьбы и «утечки» ненужной информации можно утешать себя: дескать, я не виноват, это коллега проявил непорядочность, — но это не нивелирует возможных негативных последствий. К счастью, со мной таких происшествий не было.

Более открытые мероприятия накладывают определенные ограничения на характер информации, ее объем, способ подачи и т.д. Например, иногда приходится не включать в доклад некоторые подробности, которые в случае их широкого обнародования могли бы обидеть информантов или нанести им вред иного рода.

Впрочем, попадание лишней информации в социальные сети может быть гораздо меньшим злом, чем продукт, иной раз выходящий из-под пера журналистов, освещающих конференцию или выступление. Мне, например, до сих пор очень неудобно (в первую очередь перед информантами, коллеги-то в состоянии понять, что я такого сказать не могла) за некоторую висящую в интернете публикацию по материалам моего доклада (выходные данные не привожу, поскольку не хочу рекламировать), где мои слова «перевернуты» совершенно невозможным образом.

Вопрос о статусе научного текста, появившегося в сети, сложный, и боюсь, что дать на него грамотный ответ можно, лишь будучи специалистом по авторскому праву, интеллектуальной собственности и т.п.

Можно понять сотрудников редакций, которые стремятся к тому, чтобы публиковать в своих журналах работы, которые до этого вообще нигде не появлялись. Но можно понять и авторов, желающих до печати обсудить свою работу, ведь обсуждение может пойти ей на пользу (в данном случае я несколько не имею в виду публикацию одного и того же текста в нескольких изданиях). Приведу пример. Не так давно я разместила на Academia.edu скан только что вышедшей статьи, о чем не без радости написала в Facebook. Один из комментаторов указал

на не учтенный мною источник. Было обидно: и потому, что это дополнение было бы в статье как нельзя более кстати, и потому, что возможность вернуться к рассмотренной теме мне едва ли представится, и потому, что соответствующий источник широко известен и его игнорирование явно не в мою пользу. Досадного упущения, вероятно, можно было бы избежать, если бы к обсуждению была предложена не уже опубликованная статья, а черновик. Однако я не была уверена, что коллеги из журнала благосклонно к этому отнесутся.

Вообще говоря, любое издание вправе устанавливать критерии, по которым оно принимает или не принимает публикации. Желательно, конечно, чтобы эти критерии основывались на здравом смысле. Казалось бы, с какой стати считать «уже опубликованным» то, что не имеет формального статуса публикации и формально не засчитывается автору как таковая? Отмечу, что формулировка «текст, появившийся в сети, например для предварительного обсуждения» сводит проблему лишь к одному аспекту, в то время как диапазон значительно шире. Одно дело — «черновик», размещенный на Academia.edu. Другое — публикация на личном сайте автора или на сайте проекта, в котором участвует автор. Третье (и это наиболее проблемный пункт) — существующие исключительно в электронном виде сборники (например, юбилейные), которые могут содержать полноценные научные статьи, не имея при этом соответствующего статуса, ISBN, выходных данных и т.п. Работы, опубликованные в последних, могут быть широко известны и востребованы академическим сообществом, они постоянно цитируются, при этом не фигурируют ни в отчетах авторов (их просто не примут), ни в базах цитирования (роль которых в формальной оценке научной деятельности в государственных учреждениях, к сожалению, возрастает чем дальше, тем больше) и по этой причине могут не рассматриваться как полноценные публикации самими авторами.

Если не брать в расчет юридическую сторону дела (повторюсь, я не специалист по авторскому праву), мне кажется, что вопрос в каждом конкретном случае должен решаться конвенционально, между конкретным автором и конкретной редакцией. Для одного журнала факт сетевой публикации ничтожен, второй попросит автора просто поменять название, третий — еще и изменить текст на 30 %, четвертый и вовсе отвергнет. Но журналов, вообще говоря, много, и они не единственная площадка для публикации: существуют сборники и, наконец, монографии, где проблема «вторичной публикации» просто не встанет.

3

Это зависит от того, кем инициирована научная коммуникация. Если речь идет о специализированной группе или рассыл-

ке, где сотрудник действует по поручению организации и от ее лица, получая за это зарплату, то, разумеется, должно учитываться. Если же речь идет об институционализации коммуникации, изначально являющейся инициативой «снизу», то с учетом общих тенденций к бюрократизации и коммерциализации науки (а также их отечественной специфики), я не думаю, что это то, за что следует бороться. Потому что начнется с получения исследователем X в организации Y приятного «зачета» за сетевую коммуникацию, которой он и так занимается в свободное время для собственного интеллектуального удовольствия, а кончится повсеместным введением соответствующей нагрузки, к которой будут прилагаться специально разработанный индекс сетевого цитирования, неудобочитаемое техническое задание и кодекс поведения в социальных сетях в придачу. Шутки шутками, но должно быть место и пространству свободного общения.

4

Разграничивать научную работу и общение в интернете у меня возможности нет. Например, в Facebook (который лишь отчасти является для меня «профессиональной социальной сетью»: я пишу там далеко не только о науке) у меня есть друзья и из академической, и из неакадемической среды. Что же касается ограничения доступа для широкой публики — да, ограничиваю, хотя это не связано исключительно с научными причинами. Если «в друзьях» в соцсети появляются информанты, тогда, что называется, фильтрую некоторые свои высказывания, если они косвенным образом имеют к ним отношение. От определенных вещей, может быть, приходится воздерживаться. Хотя, конечно, исследователь в целом не может и не должен писать то, что понравится всем его информантам (если иметь в виду не этические моменты, а отсутствие солидарности с информантами в определенных вопросах, например, когда информант — автор псевдонаучного текста, ставшего предметом исследования). В этом смысле велика ли разница, прочитал информант то, что исследователь написал о нем «в сетях» или в научной публикации? Но это уже проблема взаимоотношения информанта и ученого, выходящая за пределы собственно сетевого поведения.

С проблемой авторства в случае активных обменов идеями в социальных сетях я не сталкивалась. Но, по-моему, элемент хорошего тона — использовав чью-то идею, поблагодарить в своей работе ее автора. А была ли идея высказана в социальных сетях, в переписке или при личном общении — совершенно неважно.

Что касается ведения открытого полевого дневника онлайн в этнографическом исследовании — почему нет, если это

не повредит ни информантам, ни исследователю, ни исследованию? Все в руках самого исследователя.

Материалы социальных сетей (а также блогов и форумов) я в последнее время использую в относительно беспроблемном поле, а именно в аспекте языковой рефлексии либо для поиска разного рода словоупотреблений, что близко к подходу “Web as corpus”. Как правило, это не сопряжено с личным общением, если не считать опросы в Facebook, в которых могут участвовать и мои коллеги. Кстати, именно когда опрос инициирован собирателем, на мой взгляд, релевантно говорить об «информантах» или «респондентах», и в этом случае может быть полезно давать понять, что сообщения будут использованы в исследовании.

5

Что же касается использования записей, трансляция которых чревата разного рода ущербом для их авторов (в том числе репутационным и, учитывая некоторые современные процессы, увы, юридическим), вероятно, достаточно просто не указывать полностью имя публикатора записи, т.е. указывать только инициалы либо вымышленное имя (что, конечно, в публикации должно быть оговорено).

АНДРЕЙ ВОЗЬЯНОВ

Мои мысли о взаимоотношении качественной науки и сети Интернет написаны из перспективы специфического поля — городской антропологии и исследований транспорта, и я вполне допускаю, что для других областей / доменов знания ситуация может сильно отличаться.

5

Попробую начать с вопроса об использовании соцсетей в сборе данных для своей работы, поскольку в моей истории такой сбор данных послужил отправной точкой и для тактики опубликования результатов исследования. Хотя я читаю статьи, блоги, форумы и т.д. на тему своей работы постоянно, несколько раз мне приходилось особенно плотно и последовательно обращаться к материалам сети. Причем не каждый раз это было решение, выбранное мною из нескольких: вначале читать онлайн было попыткой самообразования, затем — частью методологии, в 2014 г. — следствием

начавшегося в регионе моего исследования военного конфликта.

Онлайн-контент с самого начала был важным источником для моих проектов по разным причинам. Социальная история и этнография городского транспорта долгое время оставались делом краеведов и транспортных любителей за пределами академической науки. Объект изучения не входил в число классических, данные собирались людьми без специальной подготовки и аффилиации, результаты размещались на самостоятельно организованных ими интернет-площадках: форумах, сайтах, фоторесурсах. При этом такие любители транспорта, как правило, не владели принятым в академии специфическим словарем, хотя интересовались вопросами, входящими в сферу институционализированной урбанистики и антропологии: о привычках и практиках ожидания и планирования, аффективных качествах городского ландшафта, роли инфраструктуры мобильности в нем. На одном из ранних этапов проекта, в 2011 г., именно форумы и онлайн-площадки помогли мне при разработке дизайна исследования быть более отзывчивым к «полю», в которое я поехал позже; не выстраивать вертикали «этнограф — туземцы»; не тратить ценные недели в отдаленных городах на чтение того, что доступно в интернете.

Методологически и эмпирически интернет выступил важным источником уже потому, что именно там отчасти разворачивалась изучаемая мною активность — попытки спасти от закрытия трамвайные и троллейбусные системы в Восточной Украине. В виртуальных местах возникали дискуссии, там стартовали гражданские инициативы; во многих случаях они носили транслокальный и даже трансграничный характер. Наконец, для группы моих информантов интернет служил главным источником знаний, формирующих картину мира и принимаемых как руководство к действию.

Мой последний на данный момент период «исследования через сеть» длится до сих пор. Оффлайнным сбором данных в Донецкой области Украины я занимался с начала 2011 г. по январь 2014 г. Через несколько недель после этого город моей семьи (Мариуполь) и города моей полевой работы (Горловка, Дружковка, Константиновка) оказались в зоне боевых действий. Мои бабушка и дедушка вынуждены были выехать в Ростов-на-Дону и не могут вернуться в свою мариупольскую квартиру до момента, когда пишутся эти строки (ноябрь 2016 г.). Первые полгода в 2014 г. я только следил за новостными сводками в интернете. Когда в октябре 2014 г. меня приняли в качестве PhD-студента в мой нынешний институт, меня эксплицитно попросили не ездить в зону боевых действий

и ограничиться теми украинскими данными, что у меня уже имелись. Было решено придать работе сравнительный аспект и включить в проект полевые данные из Румынии. Невозможность ездить в Донбасс и Приазовье (обусловленная моим российским гражданством) была и остается для меня травматичной — по профессиональным, личным, социальным причинам. Первое время даже читать доступные онлайн-новости из региона было тяжело — слишком острым оказывалось чувство полной беспомощности после долгого исследования с сильным акцентом на вовлечение исследуемых групп, которые теперь оказались расколота по политическому и идеологическому признаку, да еще и равно недоступны для меня.

В начале 2015 г. кураторы арт-образовательного фестиваля “Artes Liberales” в Минске предложили мне составить небольшую фотовыставку по мотивам исследования. Для демонстрации снимков в высоком качестве было необходимо получить разрешения авторов — энтузиастов городского электротранспорта, живших и / или бывших волонтерами в городах Донецкой области до войны. В свою очередь, попросить такие разрешения можно было, лишь объяснив концепцию выставки. Свое письмо длиной в страницу я разослал примерно десятку человек, все пришедшие ответы были положительными. Выставка по не зависящим от меня и информантов причинам так и не состоялась, но в половине случаев завязалась переписка, из которой впоследствии вышли три интервью, а также новые знакомства. Так я снова погрузился в «поле», на сей раз опосредованное переписками в сетях “Facebook” и «ВКонтакте».

Мои размышления были связаны с тем, каким статусом вправе я наделять свою деятельность. С одной стороны, у меня были серьезные методологические ограничения — физическое отсутствие в поле, доступ к нему лишь через слова и тексты других. С другой стороны, у меня был продолжительный опыт пребывания в этой местности, и он оказывался полезным при понимании происходящего там после января 2014 г. Вскоре моя онлайн-этнография несколько формализовалась — через систематичность, конспектирование по ходу чтения, через файл с описанием переписок и пометками о том, кого и о чем стоит спросить. Наконец, в моей ситуации онлайн-коммуникации можно найти даже некоторые позитивные моменты по сравнению с «общением живую». Могу себе представить, что если бы офлайн-контакт был возможен, мы с этими людьми ограничились бы однократной встречей для интервью. В онлайн-пространстве беседы длились днями, мы обменивались ссылками и новостями, меня просили об информационной поддержке в тех формах, которые неизбежно были видны информантам (петиции, открытые письма, обращения в инстанции и т.д.).

Готовя ответы на вопросы этого «Форума», я обнаружил, что про удаленную этнографию (remote ethnography) — так я для себя называл методику своего полевого исследования — уже активно пишут¹. Круг очерченных в публикациях проблем оказался мне очень близок: исследователи, работающие удаленно, чувствуют потребность в легитимации, объяснении потенциальной достаточности и даже наличия преимуществ у исследования «через сеть». Приводятся примеры кейсов, когда физическое пребывание антрополога в изучаемой географической локации могло бы представлять серьезный риск жизни / здоровью / свободе, как в случае граждан США, изучающих протестные движения в России или режим Талибана в Афганистане. Сбор данных «на расстоянии» бывает одновременно и вынужденной стратегией, и тем, что дает дополнительные опции (например, наблюдать «в реальном времени» реакцию на одно и то же событие мало контактирующих между собой сообществ).

Использование полевых данных, «родившихся» в интернете, требует дополнительной рефлексии и перестройки привычных нам критериев оценки «качества» данных. Например, отдельные дословные цитаты, которые так ценятся в антропологических кругах, в случае интернет-материалов я в своих текстах не использую. Мне приходится, напротив, компилировать несколько реальных высказываний в одном обобщенном, переформулировать некоторые вещи так, чтоб исключить возможность автоматического поиска — и в такой ситуации всегда есть дополнительный риск «исказить» и дополнительная ответственность за надежность анонимизации. Однако в онлайн-этнографии мы, вероятно, становимся несколько понятнее и виднее нашим информантам, ведь мы не исчезаем из виду, выключив диктофон; мы по-прежнему остаемся доступны им через наши публичные страницы. А публикация текстов онлайн мне представляется симметричным действием в ответ информантам, физическую реальность которых я по тем или иным причинам постигаю исключительно виртуально.

1**2**

Обратная сторона мобилизации виртуальных ресурсов для проведения исследования — размывание личных границ, в частности не вполне сознательный контроль того, о чем пишу я сам на своей странице. Границы моего личного, непрофессионального пространства стали хрупки как никогда, но альтернатив в ситуации своего проекта я не видел и не вижу. Над чем мне кажется возможным работать — так это над честностью и открытостью своей коммуникации с «удаленными

¹ [Hjorth et al. 2016; Gray 2016]; <<https://johnpostill.com/2015/02/25/digital-ethnography-being-there-physically-remotely-virtually-and-imaginatively/>>; <<https://johnpostill.com/2016/01/18/doing-remote-ethnography/>>.

информантами». В настоящее время я пользуюсь сетями «ВКонтакте», «Трансфото» и “Facebook” как для рабочей коммуникации, так и для нерабочей. При этом специализированными исследовательскими социальными сетями вроде Academia.edu, ResearchGate и LinkedIn я просто не успеваю пользоваться, и наверняка это «неуспевание» отражает мою расстановку приоритетов — об этом еще стоит подумать.

Опубликование своих и чужих текстов на интернет-сайтах, а также их обсуждение в соцсетях для меня очень значимо и иногда по эффекту действия не меньше, чем публикации и рецензии в официально признанном / физически печатаемом журнале. Вероятно, это связано со спецификой исследовательских ситуаций, где мы иногда выступаем в роли консультантов, иногда в роли консультируемых, часто — в роли посредников, а наши собеседники далеко не всегда являются частью академического мира. Основная часть коммуникации зачастую происходит в Facebook, поскольку ни GoogleScholar, ни Gmail.com, ни ResearchGate не выступают тем общим интерфейсом, который доступен всем интересант(к)ам, невзирая на языковые и институциональные барьеры.

3

На мой взгляд, аналитическое письмо и комментирование онлайн должны учитываться в оценках проектов, если оценщики хотя бы имеют представление о качественном импакте проекта, актуальности темы и способности участников к интердискурсивной коммуникации и медиации.

Что касается журналов, которые не принимают опубликованные онлайн тексты, то, с одной стороны, это ставит вопрос о жизнеспособности некоторых редакционных циклов и ритмов в современной ситуации производства знания. Для преодоления эпистемологических ограничений традиционного издательского дела есть, как мне кажется, довольно успешный формат онлайн-журнала. С другой стороны, я не на стороне отмены печатных журналов, а скорее на стороне диверсификации объемов, степеней детализации, пропорций анализа и эмпирики с чувствительностью авторов к нюансам конкретного случая опубликования. Надо понимать, кто аудитория, как она найдет текст, какой объем имеет наибольшие шансы на прочтение и понимание, почему этот текст пишется здесь и сейчас, нужны ли только данные или уместно аналитическое движение со стороны автора.

4

Конечно, опубликованные онлайн тексты — это особый случай отчуждения; они чисто технически уязвимы и лишают авторов контроля над дальнейшим распространением их содержания. Однако в околоакадемических средах вокруг меня люди довольно ответственно относятся к тому, откуда они почерп-

нули ту или иную информацию; атрибуция чаще делается, чем нет. При этом, хотя у меня не было проблем с плагиатом, я наблюдаю и такие процессы производства знания, которые не защищены культурой цитирования или формализованным авторским правом. Эмпирические отчеты на форумах, партисипативные базы данных часто требуют от их вкладчиков усилий, сопоставимых с полевой работой или написанием статьи, но это все еще непризнанный факт. Новая электронная публичность, по-видимому, обнажает тот факт, что многие статусные неравенства между производителями знаний глубоко историчны и символичны и не имеют прямого соответствия с эвристической ценностью сказанного / написанного.

Библиография

- Gray P.A.* Memory, Body, and the Online Researcher: Following Russian Street Demonstrations via Social Media // *American Ethnologist*. 2016. Vol. 43. No. 3. P. 500–510.
- Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G.* (eds.). *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. L.: Taylor & Francis (Routledge), 2016. 536 p.

ЖАКСЫЛЫК САБИТОВ

1

Пользуюсь, в основном Facebook и Academia.edu, в меньшей степени ResearchGate. В основном эти сети используются для получения новой информации (статей, книг и т.д.) по интересующим научным темам. Само появление интернета позволило облегчить работу ученого за счет минимизации усилий по получению доступа к научной литературе. Academia.edu позволяет отслеживать публикацию новых статей тех авторов, на которых ты подписан. Причем ты получаешь новую информацию быстрее, чем если бы ты покупал по интернету сборник статей или сам научный журнал. Эта быстрота позволяет получать небольшое конкурентное преимущество в производстве нового знания по сравнению с теми, кто меньше пользуется интернетом в целом и Academia.edu в частности. Впрочем, таких людей с каждым годом становится все меньше. Данную ситуацию можно охарактеризовать словами из «Алисы в Зазеркалье»:

Жаксылык Муратович Сабитов
Евразийский национальный
университет,
Астана, Казахстан
babasan@yandex.kz

«Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее».

Раньше, в доинтернетовскую эпоху, историк мог написать одну-две монографии и после этого еще лет 40 наслаждаться академической жизнью, публикуя в год по одной научной статье. В то время конкурентным преимуществом любого ученого-историка была его личная библиотека с редчайшими книгами и монографиями, и с каждым годом это конкурентное преимущество нарастало по сравнению с молодыми и начинающими историками. На заре своей научной карьеры я в библиотеках пяти городов искал одну монографию, но не мог найти, так как она вышла еще в 1965 г. и маленьким тиражом. Но благодаря интернету я ее нашел спустя два года.

Сейчас же необязательно иметь хорошую личную библиотеку. Достаточно иметь широкополосный интернет и переносной диск с большой памятью, где может храниться огромный объем книг, статей, первоисточников и т.д. На данный момент доступ к новым статьям по вашей тематике стал главным конкурентным преимуществом, и если человек перестает следить за научными новинками, он рискует переместиться из авангарда науки, где производится научное знание, в арьергард, где это новое знание осмысливается и потребляется.

Различия между социальными и научными сетями, конечно же, есть, но, по сути, для ученого, который является активным пользователем Facebook, особой разницы не видно: политика Facebook ведет к тому, что пользователь видит в своей новостной ленте тех, кого он наиболее часто «лайкает» или комментирует, и таким образом Facebook фактически усиливает связи с пользователями, которые имеют с вами одни и те же интересы. Поэтому если вы ученый, Facebook в основном будет публиковать в вашей новостной ленте посты ваших коллег-ученых, которых вы наиболее часто «лайкаете». В этом смысле Facebook становится вариантом научной сети, но без четкого ранжирования пользователей по научным достижениям. В Academia.edu и ResearchGate можно увидеть «рейтинг» ученого на основе разных показателей.

2

Значимо, но не столь важно, как рецензирование и публикация в журнале. Обсуждение в социальных сетях может дать новый взгляд на уже давно существующую проблему, так как в обсуждении при желании может принять участие каждый пользователь. И большинство из них не являются узкими специалистами в моей сфере научного знания (средневековая история Казахстана: Кыпчакское ханство, Золотая Орда и Казахское ханство). Таким образом, обсуждение в социальных

сетях может дать новое видение научной проблемы, поставить новые исследовательские вопросы, в некоторых случаях «научный краудфандинг» (широкое обсуждение в социальных сетях или на исторических форумах какой-либо идеи) становится основой для научного открытия, что случилось в моей практике не раз.

Я учитываю тот факт, что моя лекция, доклад или сообщение могут появиться в социальных сетях независимо от моего желания. Конечно, хотелось бы избежать утечки научных данных, но такова современная жизнь. Есть некоторые журналы, которые действительно не принимают тексты, появившиеся в сети, поскольку считают их уже опубликованными. Я такие журналы не упрекаю, но если статья действительно выдающаяся, что бывает редко, журнал в 90 % случаев не посмотрит на факт публикации статьи в интернете и даст добро на публикацию, по крайней мере, в моей научной отрасли (средневековая история) дело обстоит так.

Я считаю, что научный текст, появившийся в сети для предварительного обсуждения, является научным материалом, на который можно ссылаться. Но здесь, по моему мнению, автор всегда поступает опрометчиво, выкладывая в сеть «сырой» материал. Лучше обсуждать текст в закрытом режиме по переписке, чем выкладывать текст в публичное пространство.

3

Нет. Если эти вещи будут учитываться, это вызовет ненужные действия по имитации данного занятия со стороны «ученых», которым очень нужны будут такие показатели.

4

Трудно сказать, как влияет ситуация новой публичности на мою научную индивидуальность, так как моя научная социализация происходила в этих новых условиях, и как бы я вел себя в старых условиях, мне не совсем понятно. Я разграничиваю научную работу и общение в сети, ведь интернет — это, наверное, самый большой «убийца времени», и если не ставить себе временные ограничения по пребыванию в сети в целом и в социальных сетях в частности, то научная производительность будет стремиться к нулю. Я считаю, что исследователь не должен ограничивать доступ широкой публики к своим профессиональным социальным сетям, но бывают моменты, когда исследователь может ограничивать доступ широкой публики к некоторым своим научным трудам, которые могут вызвать некий общественный резонанс и обвинения в сторону автора в отсутствии патриотизма или предательстве национальных интересов.

Очень редко я сталкивался с ситуацией, когда шел активный обмен идеями с другими авторами, а после этого я видел свои

мысли в статьях тех, с кем обсуждал свои идеи. Но такие люди быстро обретают определенную славу, после чего мало кто с ними делится новыми мыслями и черновиками своих статей. К примеру, в научной дисциплине, смежной с моей, был случай, когда молодой исследователь, назовем его Остап, начал переписку с одним из «мастеров» в данной отрасли научного знания. Написав ему свои соображения по одному эпизоду, он получил ответ частично с одобрением, частично с критикой его положений. После чего он вставил речь «мастера» в свой текст и отправил новый вариант текста другому «гроссмейстеру» в качестве первого черновика своей статьи. «Гроссмейстер» ответил, раскритиковав некоторые тезисы «мастера», после чего Остап ответил «мастеру» словами «гроссмейстера». «Мастер», которому был брошен интеллектуальный вызов, очень сильно удивился высокому уровню аргументации Остапа и потратил несколько дней на написание ответных реплик. Остап, чуть переделав текст, отправил его «гроссмейстеру». Последний был просто поражен научным уровнем Остапа, которого он всерьез не воспринимал в принципе. После этого «переписки» «мастера» и «гроссмейстера» при посредничестве Остапа продолжилась и вылилась в статью, написанную самим Остапом, но при большом участии «мастера» и «гроссмейстера», которые с тех пор зареклись играть с Остапом в «шахматы вслепую». Поэтому при любом обсуждении научных идей и статей будет этичным предложить соавторство, если ученый, с которым шло обсуждение, действительно внес большой вклад в написание статьи.

5

Да, я использую материалы социальных сетей в своей работе. В основном это выражается в благодарности некоторым людям за ценные советы, устные консультации или критику тех или иных моментов. Помимо этого, зачастую социальные сети могут дать шедевральные диалоги, которые в жизни трудно услышать, так как участники диалога давно покинули стены университета. К примеру, по рассказам коллеги, два бывших студента, окончившие бакалавриат в Казахстане, а магистратуру в США, после возвращения обсуждали методологию исследования в своих дипломных и магистерских работах. После признания второго в том, что он в своей дипломной работе полностью переписал абзац с методологией у первого, тот пояснил, что списал этот же абзац у другого студента, которому, в свою очередь, писала дипломную работу какая-то преподавательница. После чего начались разговоры о том, что «нас здесь не учили методологии» и что только в США они поняли, что такое методология. Такой откровенный диалог вряд ли можно услышать в стенах современного казахстанского университета, так как такие разговоры могут подрывать «легитимность кафедры».

Обсуждение «хищных журналов» (входят в базы данных Web of Science или Scopus и публикуют статьи за деньги) в социальных сетях идет очень откровенно, но при личном общении с теми людьми, которые откровенно что-то заявляли в социальных сетях, вы не получите такого уровня открытости, как в комментариях в Facebook. Таким образом, социальные сети могут быть источником этнографического материала о жизни того или иного сообщества. Поэтому я считаю, что использовать материалы, связанные с такими проявлениями публичности, как открытые сетевые дневники, различного рода признания, в своей научной работе можно, предварительно обезличив персонажей, если не было получено согласие от «информанта». «Информантов» нужно спрашивать, если исследователь хочет передать речь в своей книге или статье с полными личными данными «информанта». В случае если данные будут обезличены, исследователь может и не спрашивать «информанта» о согласии, ведь когда человек что-то пишет в интернете, он выносит в публичное поле свои мысли и идеи.

ЕЛЕНА СОКОЛОВА

1

На мой взгляд, нет смысла разделять каналы по профилю на строго «научные» и «социальные», а также отграничивать сети от других цифровых медиа. Практика их использования сложилась, и она не соответствует такому разделению. Напротив, есть смысл рассматривать возможности для интеграции самых разных каналов с целью повышения эффективности проектного управления и взаимодействия в рамках конкретного исследования. Исследователь вынужден учиться работать с разными программами, приложениями, платформами. Например, в моей практике антропологи часто обсуждают профессиональные вопросы на Facebook или в переписке (чаты, почта) — делятся идеями, ссылками, тут же получают комментарии. При этом научные статьи размещают в другом месте, а монографии — в третьем, хотя сделать об этом анонсы на Facebook также будет уместно. Похоже, все понимают, что это разные жанры, и здесь нет никакой путаницы. Проблему составляет работа с потоком разнонаправленной информации, когда часть ее

Елена Константиновна Соколова

Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

elena.k.sokolova@gmail.com

находится в почте, часть в облаке, а отдельные посты разбросаны по разным социальным сетям. Появляются программы кросс-платформенного поиска, такие как Findo, или библиотеки ресурсов, как Zotero. Таким образом, стоит задача скорее внутренней оптимизации рабочих процессов, чем внешнего огораживания территорий.

Работу в социальных сетях и вообще в любых цифровых каналах критически важно уметь настроить. Например, создать и поддерживать свой собственный канал из новостей определенных ресурсов и персоналий, использовать систему (или несколько) оповещений, фильтров, тэгирования. Еще пример — собирать рабочие группы в социальных сетях, на Facebook или на специальных платформах, скажем в Slack, где площадка — только место, а команду и контент обеспечиваете вы сами, точно так же, как в любом проекте офлайн. Очевидно, что в дальнейшем эффективность удаленной коллективной работы будет только повышаться — не в последнюю очередь за счет виртуальных ассистентов и других технологий, которые сейчас только начинают появляться. Навык работы в формальных и неформальных распределенных командах в этом смысле становится подобным навыку владения английским языком (и часто эти навыки идут вместе).

Исследователям не нужно стесняться учиться пользоваться возможностями, которые предоставляют технологии. К наиболее значимым приобретениям, которые мы можем получить, можно отнести скорость, новые возможности групповой работы, практичность. Курсы, такие как “Literacy of Cooperation” исследователя техномедиаферы Говарда Рейнгольда (Howard Rheingold) или “Intelligent Teams & Networks” школы MIT Sloan, могут помочь ученым сориентироваться в новой рабочей среде. Есть и узкоспециализированные программы для антропологов, например однодневный обучающий семинар “Utilizing Facebook for Ethnographic Research”. Разумеется, развитие виртуальных коммуникаций не отменяет ценности традиционных форматов, прежде всего живого личного общения (см., например, [Turkle 2015]). Остается за скобками вопрос информационной безопасности. Он возникает в связи со всеми видами каналов, хотя степень уязвимости может варьироваться.

5

В темах, касающихся травмы, исследователю важно понять собственную мотивацию, ответить себе на вопрос, зачем он это делает. Это вопрос практической этики, обращенной исследователем на себя, а также принятия ответственности за результаты своей деятельности. Виртуальное поле в этом смысле просто одно из возможных полей, к которому применяются

стандартные правила профессиональной этики, в том числе касающиеся защиты информантов, анонимности и получения разрешений. Задача современного антрополога, работающего в виртуальном поле, состоит не только в том, чтобы руководствоваться исследовательским интересом и фиксировать увиденное. На мой взгляд, важная часть навыка — наблюдать себя как исследователя и как человека; автоэтнография в этом смысле — это не отдельный жанр, а неотъемлемая часть метода включенного наблюдения.

В своем диссертационном исследовании «Телесность в виртуальной среде интернета: опыт антропологического исследования» я рассматриваю проблему наблюдения на примере группы практиков аутентичного движения. В терминологии аутентичного движения есть понятие «свидетельствования», это одно из фундаментальных положений дисциплины. Наличие свидетеля меняет опыт движущегося, при этом конкретные свидетели, а также типы свидетельствования могут влиять по-разному. Навык свидетельствования формируется в процессе практики постепенно, но есть общее правило: движущийся — всегда хозяин своего опыта, в том числе в отношении свидетельствования (например, необходимость для свидетеля спрашивать разрешение для того, чтобы дать обратную связь; возможность для движущегося в любой момент сказать «стоп», «достаточно»). Важно отметить, что этика рассматривается не только в рамках набора правил дисциплины или договоренностей, принятых среди группы практикующих, но и как конкретный опыт, поскольку практика аутентичного движения — процесс, который всегда происходит «сейчас», включая свидетельствование. Подобные положения могут быть отнесены и к тем материалам, которые выносятся за рамки процессов: исследования дисциплины, отчеты лабораторий, публичные обсуждения, фотографии, видео, например в социальных сетях. При этом иногда возникает вопрос: «Как это может быть воспринято теми, кто не имеет личного опыта аутентичного движения?», на который практикующие могут отвечать по-разному, в том числе соглашаясь расширять круг свидетелей, размещая свои материалы — или нет.

Библиография

Turkle S. Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age. N.Y.: Penguin Press, 2015. 448 p.

ВЛАД СТРУКОВ

1

Наверное, следует начать с того, что я одновременно являюсь ученым, который пользуется разного рода сетями, и тем, кто исследует социальные сети. В этом смысле для меня конвергенция медиаформ, платформ и дискурсов — часть и научных интересов, и научной практики. До какой-то степени это мой личный выбор, однако в основном — результат развития современной культуры и науки. Когда в начале 1990-х гг. я пришел в академический мир, доминирующей теоретической платформой в гуманитарных науках была философия постмодернизма с его отрицанием иерархий, смешением регистров и форм коммуникации. При этом в действительности, т.е. в повседневной научной практике, существовало четкое разделение разных областей знания, информации и коммуникации. За двадцать пять лет все изменилось: теоретические постулаты эпохи постмодерна стали повседневной практикой, в то время как в области теории я все чаще вижу возврат или по меньшей мере желание возродить структурный, бинарный подход к производству знания.

Когда я размышляю о своей научной карьере, то она распадается для меня на несколько периодов: до электронной почты, до интернета, до социальных медиа, до искусственного интеллекта и т.д. Другими словами, новое техническое изобретение каждый раз переформатировало и круг моих научных интересов, и процессы научной работы. Это особенно иронично, потому что я начинал как теоретик постмодернизма, а значит, интересовался состоянием «после», в то время как сейчас я думаю о себе и своей работе как о состоянии «до». Можно предположить, что эти, на первый взгляд, противоположные состояния — «до» и «после» — на самом деле описывают моменты разрыва и разлома, которые характеризуют современное состояние.

Влад Струков (Vlad Strukov)
Университет Лидса,
Великобритания
V.Strukov@leeds.ac.uk

(Уже на личном уровне эти разломы, или «переходы», совпадают у меня с моментами миграции — из России в США, а потом в Великобританию — и с переходом на новое место работы. Я бы объяснил это тем, что смена технической и социальной парадигмы и средств производства знания происходила столь стремительно, что требовались такие «скачки» в пространстве и типах научных систем. Интересно, что будет дальше...)

Меня всегда интересовала электронная культура, которая впоследствии стала именоваться цифровой, особенно ее визуальный компонент. Отличие, как известно, не столько в системе передачи сигнала, сколько в новых формах взаимодействия, т.е. в цепочках связей, в networks. Академическая среда, как мы знаем, была первым полигоном, где такие связи отрабатывались и проектировались. Поэтому мне представляется нелогичным отделять научные сети от социальных. Разница не в принципах и целях их функционирования, а в статусе: как и столетие назад, научные сети претендуют на некий элитарный статус, на формы бытования мысли, которые должны каким-то образом обеспечить объективность знания. Таким образом, суть вопроса в том, насколько та или иная платформа может обеспечить впечатления приоритетности и престижности социального круга и того типа знания, которое она порождает. Это характерно для самых разных видов технологий: каждая — Twitter, Facebook, Academia.edu и др. — проходят этап «элитарного» доступа. Об этом мы много писали в “Studies in Russian, Eurasian and Central European Studies” <www.digitalicons.org>; эту тему я затронул в сборнике о культуре селебрити в российском обществе [Strukov 2010].

2

Из точных наук в гуманитарные пришло совершенно новое понимание скорости научного процесса. Меня учили еще в той системе, когда считалось необходимым потратить несколько недель на стилистическую шлифовку текста. Сейчас это кажется не столь актуальным: перед ученым теперь стоит задача как можно скорее опубликовать результаты своего исследования. В настоящее время в Великобритании система организована таким образом, что университет контролирует научный процесс на всех этапах: от заявки на грант до публикации финального текста. При этом теперь необходимо сдавать в научную базу черновые и промежуточные варианты текста статьи. Сначала это пугает, потому что ты думаешь, что в свободном доступе может оказаться текст с еще не выверенными сносками и не отточенным теоретическим аппаратом. Потом, однако, понимаешь, что ты более не производишь некий финальный текст, а скорее создаешь корпус идей. Ты всегда можешь вернуться и переформулировать какую-то мысль. С одной стороны, это не дает ощущения законченности процесса (в этом,

мне кажется, скрывается логика неолиберализма с его фетишем неизвестности, опасности, кризиса или того, что по-английски называется *uncertainty*). С другой стороны, это дает исследователю большую свободу в научном процессе: эта гибкость мысли совпадает с логикой социальных сетей.

Поэтому я считаю, что любая публикация должна считаться публикацией. Но, как я сказал выше, это возможно только в тех случаях, когда сама платформа позволяет «дописывание» и доработку публикации. В журнале, главным редактором которого я являюсь — “*Studies in Russian, Eurasian and Central European Studies*” <www.digitalicons.org> — мы даем авторам полное право опубликовать их работу на другой платформе в существующем или измененном виде. Однако когда мы принимаем статьи к публикации, мы настаиваем на том, чтобы они были оригинальными. Таким образом, журнал превращается в площадку для новых идей, это как бы узел в системе связей.

К сожалению, не все журналы приспособлены к такому виду работы, и тем более не приспособлена к нему академическая система оценки. До сих пор существует формальная система оценок научного труда, которая в действительности мало соотносится с потребностями и законами реального научного процесса.

3

Да. Однозначно и категорично. Можно провести такую аналогию: ученый может быть директором исследовательского центра и за это получать кредит от университета или научного сообщества. На мой взгляд, это не отличается от «руководства» исследовательской группой в Facebook.

4

Это скорее фактор временной, а не пространственной; т.е. вопрос не в том, где проходят границы моего научного пространства, а в том, сколько времени занимает моя работа в его определенном сегменте.

Ограничение доступа к моим профессиональным социальным сетям зависит от цели проекта и методологии. Например, если проект основан на интервью, то по этическим соображениям я не могу публиковать какие-то части своего исследования в открытом доступе.

5

Да, использую, и да, это зависит от проекта; основные положения моего университета требуют, чтобы информанты получили полную информацию о проводимом исследовании, поэтому это — к счастью или к сожалению — не есть мой выбор.

Библиография

Strukov V. Russian Internet Stars: Gizmos, Geeks, and Glory // Goscilo H., Strukov V. (eds.). *Celebrity and Glamour in Contemporary Russia: Shocking Chic*. L.: Routledge, 2010. P. 144–169.

АНДРЕЙ ТУТОРСКИЙ

Мне бы хотелось разделить пять вопросов, которые предложены в качестве отправной точки для рассуждений, на две части: более конкретные, касающиеся строго определенных областей научной деятельности (2, 3 и 5), и более общие, касающиеся научной деятельности и интернета в целом (1 и 4). В первую очередь я бы хотел ответить на общие вопросы.

Влияние сети Интернет на научное сообщество активно обсуждается исследователями. Из последних работ можно назвать тематический номер журнала «Культурная антропология» (2014. Т. 29. № 2), среди статей можно отметить введение к теме номера в виде интервью, в котором дается обзор основных аспектов темы [Jackson, Anderson 2014]. Автор данной работы также опубликовал обзор изменений представительства научного сообщества в сети Интернет с 2003 по 2013 гг. [Туторский 2013].

1
4

1. Социальные сети, в первую очередь Facebook (далее «ФБ») и «ВКонтакте» (далее «ВК»), весьма упростили доступ к информации о жизни научного сообщества. Это привело, на мой взгляд, к нескольким значимым изменениям. Так, во многих журналах пропал раздел «Научная жизнь», в котором публиковали краткие сообщения о прошедших конференциях. В частности, в журнале «Этнографическое обозрение» этот раздел в настоящее время отсутствует. Последняя публикация этого раздела в бумажной версии журнала была в первом номере за 2005 г. В дальнейшем подобные сообщения перемещаются в раздел «ЭО-онлайн» и не публикуются в бумажной версии, а после 2012 г. исчезают даже там [Марасанова 2012].

С одной стороны, исчезновение подобных сообщений закономерно и может быть оценено положительно. Подобные сообщения часто неформально оценивались как «то, что пишут те, кому нечего сказать в науке».

А после введения наукометрических показателей — как способ «подкручивания РИНЦ». Словом, исчезновение подобной рубрики с учетом доступности информации в социальных сетях — положительный момент.

С другой стороны, отсутствие сообщений о научной жизни плохо с педагогической или дидактической точек зрения. В бесконечном пространстве интернета и среди бесчисленного количества солидных, менее солидных и откровенно ненаучных конференций поначалу трудно выбрать что-то стоящее. В этом случае информацию для оценки значимости конференций студент получает от научного руководителя, других преподавателей и своих однокашников. Все эти люди — обычно члены одного и того же научного центра, что ведет к еще большей сегрегации и так очень неоднородного сообщества этнографов и антропологов.

На мой взгляд, публикация журналами «Антропологический форум», «Этнографическое обозрение», «Археология, этнография и антропология Евразии» сведений о важнейших конференциях, включая европейские и американские, была бы чрезвычайно ценной информацией для студентов и аспирантов «не-домашнего» региона. Если в эпоху «бумажных носителей» журнал был и источником информации, и местом, где высказывались мнения и расставлялись акценты, то в эпоху интернета, уступая в скорости и объеме доставляемой информации электронным средствам массовой информации, журнал сохраняет высокий авторитет как источник значимых мнений.

Кроме того, перенос организационно-научной активности в сеть интернет ведет к «выключению» из научной жизни многих научных сотрудников старше 60 лет. Очень часто от старших коллег можно слышать, что они не в курсе многих событий в научной жизни просто потому, что не заводят страницы в социальных сетях.

2. Второй очень интересный аспект, связанный с тем, как социальные сети меняют представление о «ремесле этнографа / антрополога», связан с таким направлением, как антропология научного сообщества, или антропология антропологии, по выражению Н.В. Ссори́на-Чайко́ва [Ссори́н-Чайко́в 2016].

Отечественное этнографическое сообщество вплоть до середины 1990-х гг. было централизовано. Так, у этнографов существовало (а у некоторых существует и сейчас) представление о «главном журнале» и «главной конференции» нашего сообщества. Публикация в «главном журнале» предполагала, что централизованно издаваемый журнал не менее централизованно рассылался по региональным научным центрам и библио-

текам. Содержание статьи и мнение автора становилось известно всем, кто считал себя «этнографом». Идея «главного журнала» или «главного научного учреждения» приводила к мысли о том, что один раз высказанная мысль не нуждается в повторении, репликации и перефразировании.

В послеперестроечные годы началась специализация крупных научных центров России, и каждый научный центр стал своеобразным лидером в исследовании какой-то отрасли этнографической науки. Очень интересно, что идея или — можно даже использовать метафору — миф «главного учреждения» сохраняется. В рамках институциональных онтологий (т.е. «картин мира» каждого отдельного научного учреждения, представлений о том, кто является кем в науке и что необходимо и прилично здесь делать) он трансформировался в миф о «ведущем» или «лидирующем учреждении», которое лучше других преодолело перестроечный кризис и является наиболее авторитетным учреждением по исследованию определенного региона или отрасли нашей науки. Создавая открытые сообщества того или иного учреждения в сетях «ВК» или «ФБ», сотрудники этих учреждений ожидают, по всей видимости, что все желающие из других учреждений смогут присоединиться к ним и получать необходимую информацию.

И даже в современном, гораздо менее централизованном научном пространстве идея о том, что репликация научных идей не нужна, сохраняется. Текст, опубликованный в одном журнале, считается доступным и известным всему научному сообществу. Одной вариацией этой идеи является то, что после публикации в «ФБ» или «ВК» научно-популярного текста его реплику, написанную по стандартам научных журналов, не принимают к публикации с формулировкой: «А что же здесь нового для нас?» Открытое пространство интернета в совокупности с идеей «главного учреждения» ведет к формированию внутридисциплинарных межинституциональных границ.

В зарубежной антропологической науке репликация работы (хотя и не дословная перепечатка одного текста несколько раз) считается вполне допустимым и даже необходимым делом. При подготовке публикации автор неоднократно предлагает ее в качестве научного доклада в рамках кафедральных семинаров различных научных институтов. Иногда материалы семинаров в виде текстов или аудиозаписей появляются в интернете. Затем происходит публикация статьи в рецензируемом журнале. После этого автор часто продолжает участвовать в семинарах, представляя основные тезисы своей работы.

На мой взгляд, репликация работ, в том числе в блогах, в том числе с использованием аудио- и видеоформатов, является

очень важным аспектом дидактики научного знания. Именно аудио- и видеоформаты вкупе с общедоступностью интернета могут помочь открыть уже упоминавшиеся межинституциональные границы в рамках нашей дисциплины. Но и этом случае особая роль может принадлежать научным журналам. Учитывая хроническую нехватку времени у многих современных ученых, между самостоятельным поиском информации (не по собственной узкой теме, а по широкой дисциплинарной тематике) в интернете и получением этой информации в известных научных журналах они выберут последнее. Идея публикаций, подобных обзору «Журнал “Советская этнография” в 1953–1954» [Марков, Громов 1955], вновь становится актуальной. Журналы и социальные сети могут не противоборствовать, а дополнять друг друга.

3. Последний аспект влияния интернета на деятельность ученого касается ведения полевого блога. Я в январе-июле 2016 г. находился в длительной командировке в Лешуконском районе Архангельской области и пытался вести полевой дневник онлайн. Представляю на суд читателей некоторые соображения по этому вопросу.

Во-первых, ведение «полевого блога» является обособленным видом деятельности, который требует отдельных временных затрат. Ведение дневника предполагает выбор особых тем, которые могут заинтересовать читателей, а также регулярность публикаций. В условиях, когда исследователь в поле максимально долго находится с людьми, а затем должен несколько часов потратить на фиксацию полученной информации в дневнике, написание постов в «ФБ» или «ВК» становится возможным лишь от случая к случаю. Временные затраты увеличиваются в несколько раз из-за низкой скорости сети. Так, иногда на отправку одного письма приходилось тратить до получаса из-за нестабильной работы связи.

Во-вторых, исследователь сталкивается с проблемами локализации и содержания постов. Так, принимая западные образцы кодирования информации, мы должны скрывать имена наших собеседников и точные места исследования. Я первоначально пытался скрыть место своего нахождения, назвав его «Запинежьем». Однако уже через две-три недели и этот термин, и мое местоположение были дешифрованы. С одной стороны, коллеги постоянно писали в комментариях вопросы: «Вы в деревне “Х”?», в которых указывалось точное название деревни. С другой стороны, жители деревни уже через две-три недели стали активно участвовать в жизни блога и комментировать, не скрывая имен, делать перепубликации и т.д. Для меня было очевидно, что публикация «аналитических» частей дневника,

связанных с полуперегальными и замалчиваемыми практиками, была просто невозможна. В данном случае «городская вне-находимость» гораздо лучше подходит для ведения полевого блога, чем «деревенская удаленность». Я в итоге выбрал «миклухо-маклаевскую стратегию» [Ballard 2013]: начал публиковать фотографии, которые приглашали к диалогу и не ассоциировались с нарушением монополии местных интеллектуалов на знание о своем сообществе.

Однако ведение блога имело и положительные результаты. Так, в-третьих, написание текстов, которые воспринимались местными жителями как «нужные», значительно продвинуло автора по оси «свой / чужой» в сторону своих. В апреле в деревню, где я работал, прилетел путешественник В. Михайлов на самолете «Северок». Он совершал перелет Москва — Вайгач. Я написал краткое сообщение об этом событии в деревенское сообщество в «ВК» и в районную газету. После этого несколько раз слышал благосклонную характеристику: «Молодец, хорошо написал о нашей деревне». Переводя это на антропологический язык, с написанием сообщения работа в поле превратилась из «включенного наблюдения» (participant observation) в «участвующее наблюдение» (participatory observation). А мое присутствие в деревне стало восприниматься как нечто нормальное и даже полезное для сообщества.

Также, и в-четвертых, участие в жизни деревенского сообщества в «ВК» дало опыт «включенного наблюдения» в интернете. Когда ученые говорят о работе в сети, часто вопрос стоит так: необходимо ли подкреплять наблюдение в виртуальном пространстве наблюдениями за пользователями в пространстве реальном. Опираясь на опыт, могу сказать, что методологически проследить даже все акты взаимодействия в сети очень трудно. Например, после публикации постов и фотографий в сообществе деревни у меня появилось несколько комментариев под фотографиями пяти- и десятилетней давности, характеризовавших восприятие меня и моих постов пользователями «ВК». Это были комментарии, которые уточняли и поправляли мои наблюдения. Иными словами, пользователи иносказательно говорили о том, что мне не стоит делать поверхностных обобщений. Кроме того, по отметкам «нравится» под моими публикациями и фотографиями я отчасти и смог выбрать направление своей дальнейшей деятельности в сети.

В-пятых, сравнение активных участников жизни деревни в социальных сетях и «в реальном мире» дало интересные результаты. Они ждут дальнейшего осмысления, однако могу привести некоторые примеры. Интернет-сообщество деревни преимущественно состоит из жителей, уехавших в город,

и местных школьников. Если сравнивать «реальных» жителей деревни и их представительство в сети, то можно говорить о «гендере интернета». Так, мужчины из муниципальной администрации принципиально не имели аккаунтов в сети, а женщины — библиотекарь, художественный руководитель хора — наоборот, имели и активно пользовались ими. Все эти аспекты сопоставления виртуальной и «реальной» деревни, безусловно, должны быть исследованы.

2

Интернет-публикация не является научной публикацией, поскольку готовится по совершенно другим стандартам, однако ее можно использовать наряду с докладами как один из видов апробации научного текста. Появление текста или видео выступления — новая реальность *sui generis*, с которой преподаватели имеют дело последние десять лет.

3

С одной стороны, любые рейтинги и наукометрия девальвируют и искажают научную деятельность. С другой стороны, необъективность одних рейтингов можно корректировать созданием других, столь же условных рейтингов, основанных, например, на активности ученого в сети. Однако следует быть готовым к тому, что создание новых форм учета породит новые формы «подкручивания».

5

Пространство интернета — пространство публичное. Если что-то появляется в сети, то это можно цитировать в своих работах без дополнительных разрешений, как нет необходимости получать разрешение при цитировании текста из газеты. На мой взгляд, ответственность в том случае, если нечто высказанное в сети считается автором приватным текстом, полностью лежит на владельцах социальных сетей, которые недостаточно полно информируют своих пользователей о публичности интернета.

Библиография

- Марасанова М.В.* Частное и общественное: гендерный аспект (о научной конференции в Ярославле) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 193–195.
- Марков Г.Е., Громов Г.Г.* Журнал «Советская этнография» в 1953–1954 // Вопросы истории. 1955. № 7. С. 132–137.
- Скорин-Чайков Н.В.* О дискурсе как обмене и изобретении Запада в антропологии антропологии: предварительные заметки // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 102. <<http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/65>>.
- Туторский А.В.* Развитие интернет-ресурсов по этнографической / антропологической тематике в 2003–2013 гг. // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 2. С. 31–41.

Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 136–148.

Jackson J.B., Anderson R. Anthropology and Open Access // *Cultural Anthropology*. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 236–263.

РОМАН ФЕДОРОВ

1

В последние годы научная сеть Academia.edu подарила мне возможность ознакомиться с новыми публикациями ряда российских и зарубежных этнологов. Среди авторов, на обновления которых я подписан, есть коллеги из других стран и городов, с которыми я давно знаком. Также в их числе есть известные ученые, с которыми в реальной жизни у меня пока ни разу не было возможности встретиться. Для меня, человека, живущего вдали от крупных академических центров и не всегда имеющего возможность посещать важнейшие научные встречи этнологов, использование Academia.edu нередко дает возможность узнать об общих трендах развития интересующих меня направлений исследований. Однако информационное наполнение научных сетей в первую очередь зависит от активности их участников. Далеко не у всех из них есть возможность, желание и время регулярно выкладывать свои работы, поэтому такие ресурсы, как Academia.edu, конечно же, нельзя рассматривать в качестве источника, претендующего на полный и всесторонний охват актуальной научной информации. В этом плане я считаю, что интернет пока далеко не во всех случаях способен заменить работу в обычной библиотеке. Поэтому в своей профессиональной деятельности я стараюсь уделять равное внимание работе как с бумажными, так и с электронными публикациями.

Роман Юрьевич Федоров

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН /
Тюменский государственный
университет
r_fedorov@mail.ru

На сегодняшний день в моей практике научные сети чаще выступают в качестве источника для ознакомления с публикациями коллег. Однако, по моим личным наблюдениям, они пока так и не превратились

в полноценные площадки для оживленных научных дискуссий. Те рукописи, которые мои российские коллеги выставляют на обсуждение на Academia.edu, как правило, комментируются не так активно, как у зарубежных, в первую очередь — англоязычных авторов.

Для меня научные сети также интересны в качестве инструмента обратной связи с читателем. Скачивая мои статьи, размещенные на Academia.edu, некоторые подписчики оставляют комментарии, для каких целей они им понадобились. Из этих комментариев мне удалось узнать о порой неожиданных сторонах практической востребованности моих работ.

Разница между научными и социальными сетями для меня имеет принципиальное значение. Если в первом случае речь идет о сообществе профессионалов, то в социальных сетях среди моих друзей и собеседников могут быть не только коллеги-этнографы, но и представители других, самых разных профессий и социальных групп. Поэтому в таких социальных сетях как «Facebook» или «ВКонтакте» я по возможности стараюсь размещать больше материалов познавательного или научно-популярного характера, чем узкоспециальных статей.

2

Рецензирование в журнале и обсуждение публикации в социальных сетях воспринимаются мной как две абсолютно разные вещи. Когда я отдаю статью на рецензирование в серьезный журнал, я ожидаю, что ей даст оценку профессионал, который, скорее всего, является одним из ведущих экспертов в данной области. Услышать критику и советы такого специалиста для меня всегда очень важно. К примеру, недавно мной в соавторстве была подготовлена статья, содержащая большое количество редких архаических примеров народной строительной терминологии одной из малочисленных этнолокальных групп восточных славян. Отправляя статью в журнал, я с тревогой мысленно повторял: «Хоть бы еще был в здравии этнограф М., полвека глубоко изучавший эту тему, или пусть статья хотя бы попадет на рецензирование к одному из его немногочисленных учеников!» Эта тревога была связана с опасениями, что недостаточно сведущий в этой области специалист вряд ли сможет дать адекватную оценку материалу, представленному в статье. А опасения эти были не напрасны. Мне вспомнилось, что при размещении предыдущей статьи на эту тему в одной из соцсетей я прочитал к ней комментарий молодого кандидата исторических наук — автора образовательной программы по этнографии для одного из провинциальных вузов, который, не разбираясь в научном значении приведенных в статье народных диалектных терминов и выражений, просто иронизировал над их «экзотическим» и «винтажным» для современного уха звучанием.

При изучении различных этнолокальных групп восточных славян в аграрной среде Сибири и Дальнего Востока мне порой приходилось читать в соцсетях комментарии «простых обывателей» о том, что «в реальной жизни их не существует», а выдуманы они этнографами лишь для того, чтобы «получить побольше денег на исследования». Автор одного из таких отзывов даже утверждал, что в России в XVII в. вовсе не было церковного раскола и старообрядцы являются лишь плодом «болезненного воображения некоторых этнографов».

Однако помимо подобных откровенно профанационных отзывов или проявлений троллинга некоторые комментарии неспециалистов могут быть очень полезны для этнографа. К примеру, в отдельных случаях мне было очень важно прочитать отзывы жителей исследуемых мной районов, в которых они уточняли отдельные историко-этнографические детали или подсказывали интересные идеи для новых экспедиций.

Безусловно, рецензия, написанная профессионалом, и отзывы широкого круга людей в соцсетях — это две абсолютно разные вещи. Однако последние тоже могут быть полезны ученому. В частности, они дают возможность получить представление об особенностях восприятия результатов его исследований разными (подчас неподготовленными) аудиториями и задуматься над тем, как убедительней аргументировать и донести в доступной форме до окружающих свои научные идеи.

3

Думаю, что участие в некоторых формах научной коммуникации онлайн должно учитываться в формальных процедурах оценок научной деятельности. Положительной стороной этого участия нередко становится популяризация результатов исследований, расширение научных контактов, повышение узнаваемости отдельных авторов и целых коллективов не только в отечественном, но и в зарубежном научном сообществе. Однако для разработки алгоритмов учета подобной деятельности серьезным камнем преткновения является выработка критериев ее качества и научной значимости. К примеру, мне неоднократно приходилось встречать в социальных сетях группы и сообщества, которые ведут на первый взгляд квалифицированные специалисты (преподаватели вузов, научные сотрудники и т.д.), однако их тематика и содержание в некоторых случаях имеют откровенно лженаучный или псевдонаучный характер. В других случаях участники научных онлайн-коммуникаций на базе соцсетей нередко смешивают воедино профессиональные и личные темы для общения, и тогда становится не совсем ясно, как можно трактовать их деятельность в интернете: как оценку эксперта-профессионала или как субъективное мнение обывателя? В таких случаях невольно возникают опа-

сения, не начнет ли при этом смешении «зерен» и «плевел» научное мнение терять свой былой авторитет и превращаться в профанацию. Поэтому думаю, что в оценке научной деятельности исследователей сегодня следует учитывать лишь их участие в профессиональных научных сетях (Academia.edu, ResearchGate и т.д.) либо в официальных группах научных учреждений и их подразделений в популярных соцсетях (Facebook, Twitter, ВКонтакте), работа которых должна быть регламентирована определенными этическими нормами, разграничивающими профессиональные и личные составляющие подобных коммуникаций.

5

Социальные сети, безусловно, можно рассматривать в качестве богатых, а подчас и незаменимых источников эмпирических данных для исследования широкого круга социокультурных процессов, происходящих в современном обществе. Однако на сегодняшний день использование контента, размещаемого пользователями социальных сетей, в исследовательских целях нередко связано с целым рядом серьезных этических проблем. Работая в полевых условиях с информантами, я всегда старался придерживаться позаимствованного из медицины нравственного принципа «не навреди». К примеру, опубликованные в этнографическом исследовании рассказы информанта иногда могут испортить его отношения с родственниками или соседями, которые предпочли бы утаить от огласки события, о которых он рассказал, или бытовые детали.

В моей практике порой случались курьезные, почти анекдотические случаи. Однажды почти столетняя информантка просила меня не публиковать в статье фрагменты воспоминаний о банде, наводившей ужас на ее село в 1920-е гг., из-за сохранившегося страха перед давно осужденным и расстрелянным главарем.

С одной стороны, пользователь соцсетей сознательно, на свой страх и риск делает размещаемую им информацию своеобразным общественным достоянием, что дает моральное право исследователю интерпретировать ее с научной точки зрения, формально не вторгаясь в личную жизнь этого человека. С другой стороны, использование в исследовательских целях персонализированной информации, размещаемой пользователями соцсетей, в некоторых случаях может нести серьезную угрозу их репутации и даже безопасности.

Предугадать то, как отразится исследование этнолога на личной жизни «онлайн-информанта», очень сложно. Казалось бы, единственным выходом из ситуации может стать придание в научных публикациях анонимности этой категории информантов, включая запрет на указание их реальных имен, ников,

адресов и названий аккаунтов, а также дословных комментариев, по которым было бы возможно идентифицировать их авторов. Однако подобный подход создает серьезные препятствия для верификации достоверности используемых исследователями полевых данных и тем самым открывает широкие возможности для их умышленной фальсификации. Поэтому, на мой взгляд, представление в этнологических исследованиях персонализированного контента, размещаемого пользователями соцсетей, должно по возможности производиться только с их согласия, однако и это не всегда сможет уберечь как «объект исследования», так и самого исследователя от возможных этических и даже юридических проблем.

Одним из представляющих интерес для этнолога анонимных источников информации в интернете являются онлайн-голосования. Однако их репрезентативность нередко может быть серьезно искажена в сравнении с применением традиционных методов анкетирования. К примеру, для того чтобы получить дополнительные баллы и другие поощрения, пользователи онлайн-голосований могут быть не заинтересованы в том, чтобы дать достоверные ответы, и выбирать их случайные варианты.

Другую проблему представляют случаи троллинга или дачи заведомо неправильных ответов в определенной провоцирующей ситуации. В 2007 г. широкий резонанс получил стихийный флешмоб, когда в онлайн-голосовании, посвященном отношению россиян к алкоголесодержащим жидкостям, организованном на сайте BBC News, 88,58 % из 107 068 проголосовавших ответили, что они регулярно пьют одеколон. Несмотря на это, в отдельных случаях, при возможности достижения необходимых для объективного исследования критериев выборки и корректно сформулированных вопросах, результаты онлайн-голосований можно рассматривать в качестве источников, имеющих достаточно высокую степень достоверности. Об этом свидетельствует однажды проведенный мной эксперимент, в котором данные голосований на сервисе Ответы.Mail.ru, посвященных некоторым общим тенденциям в этноконфессиональном мировоззрении россиян в целом, совпали с результатами опросов, ранее опубликованных в «Атласе религий и национальностей в России». Однако обращение к онлайн-голосованиям как к источнику статистической информации остается малопродуктивным в случае необходимости строгой дифференциации опрашиваемых по ряду критериев (место проживания, возраст, национальность, род занятий и т.д.), достоверность которых невозможно доказать у анонимных пользователей.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В те дни, когда я, чудовищно опаздывая к сроку, пишу эти строки, в интернете разворачиваются события, имеющие прямое отношение к теме «Форума». Правда, в соседней для журнала дисциплине — политологии. Александр Морозов¹ и Григорий Голосов² выложили в Facebook критические посты в ответ на недавнее интервью в СМИ их коллеги, политолога Екатерины Шульман. В комментариях высказались другие политологи, а также социологи, историки — в общем, ближайшие к двум авторам ячейки академической сети в версии Facebook. Кто-то откликнулся самостоятельным постом. Благодаря сайту «Радио Свобода» все это выплеснулось в СМИ и стало достоянием широкой публики за пределами Facebook³. И хотя историк Андрей Завадский обеспокоен недостаточно корректной формой обсуждения⁴ (действительно, весьма по-«фейсбучному» неформального, если

Александра Константиновна Касаткина

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
kasatkina@kunstkamera.ru

¹ <https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=10207918932035653&id=1367268883>.

² <<https://www.facebook.com/grigorii.golosov/posts/946786468756534>>.

³ <<http://www.svoboda.org/a/28215609.html>>. Это свидетельствует, впрочем, об уже очевидном: граница между социальной сетью и СМИ стала прозрачна.

⁴ <<http://www.colta.ru/articles/specials/13551>>.

не сказать сильнее), наблюдение экономиста Константина Сонина, видимо, справедливо: перед нами первая ласточка серьезных публичных дискуссий в российской политологии¹.

Комментируя эту ситуацию на своей странице в Facebook, социолог Ольга Крокинская кратко сформулировала суть проблематики, вынесенной на обсуждение в «Форуме»: «Я не знаю, в какой степени экспертное политологическое сообщество учитывает, что теперь они разговаривают не только между собой, но что их читают и к ним прислушиваются тысячи людей»². «Политологическое» можно заменить названием любой другой социальной или гуманитарной дисциплины. В цифровых медиа с их радикальной открытостью и прозрачностью границ наука становится публичной, и происходит это посредством намеренных или невольных действий конкретных исследователей.

Цифровые медиа уже обсуждались в «Антропологическом форуме». В 2011 г. тема была сформулирована гораздо шире: существование научного знания в условиях интернета. Тогда пришло много глубоких, рефлексивных ответов, выходящих далеко за рамки поставленных редакцией вопросов. Прошло шесть лет, интернет еще плотнее вошел в нашу человеческую и профессиональную повседневность. Любопытно, однако, что на этот раз ответов прислали почти втрое меньше. Можно лишь гадать, с чем это связано. Может быть, «новая публичность» интернета на самом деле уже вовсе не новая и давно стала рутинной и незаметной частью академической повседневности? (О рутинизации интернета говорили и участники «Форума» 2011 г.) А может быть, это мы недостаточно провокативно сформулировали вопросы, не сумели достаточно остраничь и проблематизировать электронную повседневность, чтобы пробудить желание дискутировать?

Свои реплики прислали и те, кто пользуется интернетом для своих личных научных задач, в том числе иногда проводит в нем исследования (большинство), и те, кто исследует сам интернет. Среди последних — новые действующие лица академического рунета, молодые культурологи, которые взяли на себя роль просветителей российского социогуманитарного сообщества в области «норм цифровой культуры» (Екатерина Арье, Оксана Мороз). Появление таких фигур можно считать симптомом естественного процесса структурирования российского академического интернета, который долго казался прибежищем стихийности и неформальности. Правда, едва ли в цифровом про-

¹ <<https://www.facebook.com/konstantin.sonin?fref=ts>>.

² <<https://www.facebook.com/krokinskaya/posts/10211689879428491>>.

странстве, устроенном по сетевому принципу, возможна единая для всех нормативность. Можно ожидать скорее появления множества источников разнообразных норм или даже говорить о полинормативности как норме. Можно также надеяться, что это шаг на пути к более рефлексивному пользованию сетями. Ведь «цифровая культура» в понимании Арье и Мороз тесно связана с технологиями, знанием их возможностей и ограничений.

1

Большинство авторов реплик отказались проводить четкие границы между социальными и научными сетями в своей исследовательской повседневности. Влад Струков напомнил о том, что интернет и его сетевая социальность начинались когда-то именно с академической среды и значительно позднее стали общедоступными. Получается, что появление отдельных сетей для академического общения (Academia.edu, ResearchGate и т.д.) — своего рода «вторичная академизация» интернета¹. Впрочем, некоторая специализация все равно прослеживается, и не в последнюю очередь она связана с доступным функционалом той или иной сети. В отличие от научных сетей, в Facebook неудобно публиковать и комментировать большие тексты, а в научных сетях не так удобно общаться. Поэтому, выложив новую статью в научной сети, исследователь может сделать об этом объявление в своем Facebook, куда и переместится обсуждение (Мария Ахметова).

Facebook (в репликах фигурирует, прежде всего, именно эта социальная сеть) сейчас занял позицию основной площадки, интегрирующей разные среды: здесь могут встретиться коллеги-исследователи и представители широкой публики. Такие сети можно использовать для популяризации науки (Роман Федоров). Впрочем, политика отбора новостей в Facebook, которая основана на предпочтениях пользователя, выраженных в «лайках», приводит к тому, что общение может ограничиться узким кругом коллег (пресловутый эффект «эхо-камеры» (echo chamber)) (Жаксылык Сабитов).

«Новая публичность» интернета превращает исследовательские тексты в публичные высказывания. Это предполагает новый уровень ответственности исследователя, публикующего

¹ В дискуссии не была затронута проблема коммерциализации научных социальных сетей, которая начинает всерьез беспокоить некоторых зарубежных исследователей. В частности, популярная среди участников нашего «Форума» сеть Academia.edu стала объектом жесткой критики после того, как ввела для своих пользователей ряд оплачиваемых опций. Сара Бонд, профессор Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, призывает пользователей этой сети задуматься о том, что они передают свои личные данные и результаты исследований в руки частной коммерческой компании, которая может делать с ними что вздумается <<http://www.forbes.com/sites/drsarahbond/2017/01/23/dear-scholars-delete-your-account-at-academia-edu/#7382f68e2ee0>>. Таким образом, кажущееся очевидным соответствие научных сетей идеалам открытой науки оказывается под вопросом.

свои результаты в интернете, не говоря уже о высказываниях в социальных сетях, которые легко могут быть подхвачены и растиражированы журналистами. Такие условия вынуждают очень серьезно относиться к своим словам, даже выступая на относительно неформальных площадках семинаров или личных страничек в социальных сетях:

«Занимаясь научной, исследовательской и преподавательской деятельностью, мы руководствуемся некоей этикой, которая предполагает предоставление вонне верифицируемой информации. Если в соблюдении этой этики мы абсолютно последовательны, то даже несогласованная с нами публикация наших же выступлений никоим образом не отразится на нашей репутации» (Екатерина Арье, Оксана Мороз).

Социальные и научные сети по-прежнему помогают преодолевать расстояния и границы, быстро находить нужную литературу и единомышленников: «Дискуссия в Facebook, в которой участвует множество заинтересованных коллег из разных городов, к тому же высказывающих свое мнение с позиций разных дисциплин, может оказаться более полезной, чем, например, обсуждение на одной из множества параллельных секций конференции, когда в аудитории сидит пять человек (потому что половина не смогла приехать), а то, о чем говорит докладчик, по-настоящему интересно только одному» (Мария Ахметова).

«Само появление интернета позволило облегчить работу ученого за счет минимизации усилий по получению доступа к научной литературе. Academia.edu позволяет отслеживать публикацию новых статей тех авторов, на которых ты подписан. Причем ты получаешь новую информацию быстрее, чем если бы ты покупал по интернету сборник статей или сам научный журнал. Быстрота позволяет получать небольшое конкурентное преимущество в производстве нового знания по сравнению с теми, кто меньше пользуется интернетом в целом и Academia.edu в частности» (Жаксылык Сабитов).

Именно к этой последней упомянутой группе, к тем, кто остался по ту сторону цифрового разрыва, привлекает внимание Андрей Титорский. Прежде всего он говорит о старшем поколении ученых, из которых многие не пользуются социальными сетями и потому оказались отрезаны от последних новостей научной жизни. Выход он видит в сохранении традиционных форм академических коммуникаций и в развитии жанра обзора — конференций и других событий, новой литературы.

2

Сравнение обсуждения научных результатов в социальных сетях и процедуры рецензирования в научном журнале оказалось более или менее предсказуемо. У них разная прагматика: жур-

нальная публикация — это диалог с профессиональным сообществом, основание для формальных оценок труда исследователя, веха в карьере и работа на будущее, которая сохранится в веках (Мария Ахметова). Сетевые обсуждения мимолетны и на формальные рейтинги не влияют, зато они порой дают неожиданные результаты за счет расширенного и непредсказуемого состава аудитории, где могут оказаться представители очень разнообразных заинтересованных групп, вплоть до специалистов близких прикладных областей, которые не читают научные журналы:

«Они [сетевые обсуждения] дают возможность получить представление об особенностях восприятия результатов его [ученого] исследований разными (подчас неподготовленными) аудиториями и задуматься над тем, как убедительней аргументировать и донести в доступной форме до окружающих свои научные идеи» (Роман Федоров).

«Одна рекомендация от лидера индустрии, представленная онлайн, бывает гораздо ценнее по своим последствиям, чем факт публикации в журнале даже с известной своей строгостью редакционной коллегией» (Екатерина Арье, Оксана Мороз).

Случается, что предварительное обсуждение статьи в широкой сетевой аудитории приносит больше пользы, чем ее рецензирование одним-двумя профессионалами, которых выбрал журнал (Мария Ахметова).

И все же с точки зрения традиционных академических издательских практик статус сетевой публикации проблематичен. Некоторые журналы не принимают к публикации тексты, которые до этого были размещены онлайн в виде черновики для обсуждения или постов в социальных сетях. При этом в нынешней наукометрической лихорадке для исследователя, озабоченного своей карьерой, при выборе, где опубликовать свои результаты, важный критерий — признание публикации формальными системами оценки, принятыми в его учреждении или фонде, дающем гранты. А формальные системы пока что отдают предпочтение солидным рецензируемым журналам. Действительно, как можно дать авторитетную оценку посту, или комментарию в блоге или социальной сети, или «лонгриду» на популяризаторском сайте, которые находятся за пределами сложившихся практик научного рецензирования? А значит, правила игры, задаваемые журналами, полностью игнорировать не получится.

Традиционный академический издательский формат не успевает за стремительно меняющимися реалиями социального и гуманитарного исследования и их потребностями, отсюда

и проблемы с сетевыми публикациями, которые более удобны во всем, кроме начисления формального рейтинга исследователя. Вместе с тем, «уступая в скорости и объеме доставляемой информации электронным средствам массовой информации, журнал сохраняет высокий авторитет как источник значимых мнений» (Андрей Тугорский).

Для научного журнала проблема конкуренции с сетевыми публикациями связана прежде всего с авторским правом, которое еще не совсем приноровилось к технической легкости тиражирования в сети. Понятно, что в интернете едва ли удастся заставить всех соблюдать единые правила:

«Статус научного текста, опубликованного онлайн, определяется правообладателем и нормами площадки, которая обеспечивает публикацию. Но не стоит надеяться на то, что все представители вашего сообщества с этим статусом будут согласны» (Екатерина Арье, Оксана Мороз).

Частичные решения предлагает линейка лицензий Creative Commons, которая сводит все правовые сложности к нескольким простым комбинациям опций и облегчает тем самым прояснение конфигурации прав относительно конкретного продукта. Кроме того, прямое копирование материалов веб-сайта может быть ограничено техническими средствами, как это сделали Екатерина Арье и Оксана Мороз на своем ресурсе.

Еще одно частичное решение, практикуемое в некоторых западных академических журналах, это различие препринта (авторский вариант), постпринта (вариант, прошедший рецензирование) и журнальной (отредактированный и сверстанный вариант) версии статьи¹. Российские журналы часто не имеют четкой политики по отношению ни к этому различию, ни к авторским правам на каждый из этих вариантов. Эта неясность нередко становится источником недоразумений, когда автор вывешивает в социальной сети препринт или постпринт, не прошедший редактуру, и ставит ссылку на журнал или сборник, где был или будет опубликован текст, без указания, что это не окончательная версия. Возникают вопросы, имел ли он право выкладывать в широкий доступ еще не опубликованный текст, насколько правомерно указывать ссылку на издание у текста, которого явно не касалась рука корректора, и т.п.

Похоже, что распад научного текста как некоторого стабильного единства, выверенного и законченного продукта, неминуем в цифровом мире. Тогда исследование оказывается процессом с открытым результатом, подобно тому, как это при-

¹ Одно из объяснений этого разграничения можно найти здесь: [Jackson 2014: 241].

нято в естественных науках, где исследовательский текст никогда не был ценен сам по себе. Это уже происходит в системе, с которой Влад Струков столкнулся в Англии: «Университет контролирует научный процесс на всех этапах: от заявки на грант до публикации финального текста. При этом теперь необходимо сдавать в научную базу черновые и промежуточные варианты текста статьи. Сначала это пугает, потому что ты думаешь, что в свободном доступе может оказаться текст с еще не выверенными сносками и не отточенным теоретическим аппаратом. Потом, однако, понимаешь, что ты более не производишь некий финальный текст, а скорее создаешь корпус идей. Ты всегда можешь вернуться к тексту и переформулировать какую-то мысль. С одной стороны, это не дает ощущения завершенности процесса (в этом, мне кажется, скрывается логика неолиберализма с его фетишем неизвестности, опасности, кризиса или того, что по-английски называется *uncertainty*). С другой стороны, это дает исследователю большую свободу в научном процессе: эта гибкость мысли совпадает с логикой социальных сетей» (Влад Струков).

Такой уровень открытости интимного процесса работы над текстом статьи немислим для российского исследователя, который пока еще может сам выбирать, размещать ли свой черновик где-нибудь на Academia.edu.

Исследовательский текст, понимаемый как открытый комплекс идей, может дрейфовать между разными «узлами» в сети академических коммуникаций, от социальных сетей или аудио- / видеоархивов онлайн-семинаров до рецензируемых печатных изданий, претерпевая по пути изменения согласно актуальному состоянию мысли автора и требованиям очередного жанра или медиаформата. Со стороны электронных издательских платформ для этого необходима технологическая поддержка доработки уже опубликованного текста, его дополнения другими медиа. А традиционным академическим изданиям придется усвоить более гибкое понимание текста. Такие попытки предпринимаются: в требованиях журналов появляются допустимые проценты сходства с уже опубликованными текстами, указание ссылок на другие места публикации и т.д.

По мнению Андрея Туторского, разнообразие и гибкость публикационных форм научных результатов помогли бы решить и проблему разобщенности между исследовательскими центрами в российской этнографии. Туторский полагает, что перемещение академических коммуникаций в интернет укрепило бы границы внутри этнографического сообщества, поскольку сетевые группы, созданные разными учреждениями,

на самом деле не имеют связей. У идеи, растиражированной разными способами и в разных форматах, больше шансов достичь «другого лагеря».

3

В настоящее время в формальных системах оценки научной деятельности проблематичен учет не только сетевых публикаций, но и научной коммуникации в интернете в целом. Считать ли ее научной деятельностью, подлежащей оценке и поощрению баллом? Почти все участники обсуждения выразили опасения, что формальная оценка профессиональной активности исследователя в сети приведет к регламентации и формализации дискуссий в интернете и распространению имитационной деятельности. Интернет ценен для социальных и гуманитарных исследователей именно как пространство свободного общения, с иерархиями, основанными на сетевых репутациях.

Однако онлайн-присутствие исследователя может рассматриваться как показатель его способности к диалогу с широкой публикой и, как следствие, общественной значимости его научных проектов, ведь проект, о котором обществу ничего не известно, не может быть общественно значимым:

«На мой взгляд, аналитическое письмо и комментирование онлайн должны учитываться в оценках проектов, если оценщики хотят иметь представление о качественном импакте проекта, актуальности темы и способности участников к интердискурсивной коммуникации и медиации» (Андрей Возьянов).

Влад Струков уверен, что сетевая активность ученого должна получать формальную оценку, поскольку руководство исследовательской группой в Facebook может ничем не отличаться от руководства обычным научным центром. Для исследователя, который перенес весь цикл своих работ в интернет, такая аналогия даже не звучит слишком радикально.

Очевидно, что для оценки научной активности в интернете необходим дифференцированный подход, выделение разных ее форм и анализ их эффектов. Как минимум, стоит различать популяризацию результатов исследований, поддержание информационных страниц учреждений, ведение профессиональных дискуссий в социальных сетях, поддержание информационных рассылок, руководство группой, ведущей совместные исследования в сети, и т.д. Отсутствие критериев оценки научной деятельности онлайн — лишь часть общей проблемы оценки, признания и защиты цифрового труда в гуманитарных и социальных исследованиях, который наряду с коммуникациями включает оцифровку источников, создание баз данных и т.д.

4

Нерв дискуссии об академической жизни в условиях новой публичности интернета — это уязвимость. Выше речь шла об уязвимости перед лицом цифровой открытости прежних форм науки, по определению закрытых и корпоративных. Но на «базарной площади» социальных сетей чрезвычайно уязвимым оказывается и сам исследователь. Ведь в интернете мы действуем одновременно и как рядовые обитатели электронной социальности, и как ее профессиональные пользователи, а иногда и исследователи. Здесь мы можем оказаться на виду и у друзей и родных, и у коллег, и у информантов, а также у совсем незнакомых людей. Участники «Форума» в основном признают невозможность разграничить личное и профессиональное общение в социальных сетях.

Это очень похоже на проблему, с которой сталкивается любой социальный исследователь, работающий в поле: он одновременно и живет в социальной реальности, и изучает ее. Но в цифровой среде эта уже знакомая сложность становится еще более радикальной: ни географическая, ни социальная удаленность здесь не спасут.

Как показал опыт Андрея Турского, информанты непременно и очень быстро найдут полевой дневник, который ведется в социальной сети, невзирая на все усилия по анонимизации и шифрованию. Можно было бы, конечно, закрыть дневник техническими средствами ограничения доступа. Но его открытость в итоге принесла Турскому немалую пользу: социальные сети стали виртуальным расширением поля, дали дополнительную информацию о деревне и ее жителях и дополнительную площадку для коммуникации с ними, в том числе для обсуждения полевых материалов, собранных в этом же месте ранее.

Интернет может быть не только самостоятельным полем исследования или дополнением к традиционному этнографическому полю. Он дает возможность вести полевую работу в тех случаях, когда «офлайн-поле» по тем или иным причинам недоступно, но у него имеется онлайн-расширение в виде разнообразной веб-активности его обитателей. Опыт такой «удаленной этнографии» Андрея Возьянова в городах Украины показывает, что цифровое пространство меняет качество присутствия исследователя в поле, которое становится менее точечным и практически неограниченным во времени: «Могу себе представить, что если бы офлайн-контакт был возможен, мы с этими людьми ограничились бы однократной встречей для интервью. В онлайн-пространстве беседы длились днями, мы обменивались ссылками и новостями, меня просили об информационной поддержке в тех формах, которые неизбежно были видны инфор-

мантам (петиции, открытые письма, обращения в инстанции и т.д.)». В таком режиме выход из поля оказывается практически невозможен, а границы приватности исследователя чрезвычайно уязвимы: «Обратная сторона мобилизации виртуальных ресурсов для проведения исследования — размывание личных границ, в частности не вполне сознательный контроль того, о чем пишу я сам на своей странице». Возьянов, впрочем, находит здесь позитивный момент для отношений исследователя и информанта, по крайней мере, из воображаемой перспективы последнего: «В онлайн-этнографии мы, вероятно, становимся несколько понятнее и виднее нашим информантам, ведь мы не исчезаем из виду, выключив диктофон; мы по-прежнему остаемся доступны им через наши публичные страницы».

Даже историк, который, казалось бы, избавлен от риска вторжения исследуемых в его личное пространство, может столкнуться с неприятными моментами, например, когда его слова получают превратные трактовки со стороны отдельных сегментов сетевой публики:

«Бывают моменты, когда исследователь может ограничивать доступ широкой публики к некоторым своим научным трудам, которые могут вызвать некий общественный резонанс и обвинения в сторону автора в отсутствии патриотизма или предательстве национальных интересов» (Жаксылык Сабитов).

Возможно, чтобы понять, как выжить исследователю в новых условиях, пригодились бы техники рефлексии, остранения и проведения границ, принятые у полевиков, работающих в «домашней» культуре. Участники нашей дискуссии выбирают две основные тактики, за которыми стоят разные трактовки отношений исследователя и информанта, связанные, несомненно, еще и с различиями полей и тематик исследований.

Кто-то застегивается на все пуговицы и «фильтрует» свои высказывания в социальной сети, если знает, что их могут прочесть информанты, т.е. начинает даже на личных страничках формировать политику своего сетевого «лица» с расчетом не на ближайший круг друзей, а на внешних людей, связанных с его / ее профессиональной деятельностью (Мария Ахметова, Андрей Туторский).

Андрей Возьянов, напротив, выбирает отказ от какой-либо фильтрации и максимизацию открытости, ведь в своем проекте он вынужден постоянно вторгаться в личные сетевые пространства информантов: «Границы моего личного, непрофессионального пространства стали хрупки как никогда, но альтернатив в ситуации своего проекта я не видел и не вижу. Над чем мне кажется возможным работать — так это над честно-

стью и открытостью своей коммуникации с “удаленными информантами”». Частью этой открытости для него стала и публикация в открытом доступе своих исследовательских текстов: «Публикация текстов онлайн мне представляется симметричным действием в ответ информантам, физическую реальность которых я по тем или иным причинам постигаю исключительно виртуально». В этой второй тактике можно разглядеть движение к переопределению открытости, к пониманию и переживанию ее не как уязвимости, а как состояния, естественного для цифровой социальности.

5

По вопросу об этике использования сетевых материалов в научной работе мнения участников «Форума» разделились. Одни уверены, что при цитировании материалов соцсетей необходимо спрашивать согласия их авторов (Роман Федоров). Другие полагают, что открытость этих материалов дает право использовать их без каких-либо дополнительных разрешений, и перекладывают ответственность или на самих пользователей, которые должны понимать возможные последствия своих действий в сети (Жаксылык Сабитов), или на держателей сервисов, которые должны информировать пользователей об этих последствиях (Андрей Туторский).

Интернет, сохраняющий в своих архивах всё когда-либо размещенное в нем, заставляет по-новому формулировать старую проблему противоречия, состоящего в необходимости одновременно и защитить личность информанта, и предоставить научному сообществу возможность верификации полевых материалов. Приходится пересматривать и критерии качества репрезентации полевых данных в итоговой публикации. Анонимизация фрагмента из интервью подчас требует изъятия деталей, ключевых не только для идентификации информанта, но и для аналитических построений исследователя. Анонимизация текста из интернета возможна только за счет существенно го искажения его содержания:

«Использование полевых данных, родившихся в интернете, требует дополнительной рефлексии и перестройки привычных нам критериев оценки “качества” данных. Например, отдельные дословные цитаты, которые так ценятся в антропологических кругах, в случае интернет-материалов я в своих текстах не использую. Мне приходится, напротив, компилировать несколько реальных высказываний в одном обобщенном, переформулировать некоторые вещи так, чтоб исключить возможность автоматического поиска — и в такой ситуации всегда есть дополнительный риск “исказить” и ответственность за надежность анонимизации» (Андрей Возьянов).

Очевидно, что здесь, как и с академическими публикациями в сети, необходима дифференциация: какой режим доступа выбрал пользователь для своей записи, насколько открыта и общедоступна сама социальная сеть или форум, предполагал ли автор записи, что ее могут прочесть за пределами его обычной аудитории. Все эти обстоятельства должны определять этическое решение в каждом конкретном случае цитирования.

Устройство цифровой социальности, ее сетевой характер и открытость располагают к коллективным действиям, разного рода коллаборациям. К совместной работе подталкивают многие сервисы, предназначенные в помощь исследователю: менеджеры библиографий, заметок, презентаций, программы для кодирования качественных данных сейчас оснащены мощными модулями для коллаборации и очень активно навязывают их пользователю. Замечу, однако, что лично мне пока ни разу не пришлось к ним обращаться, хотя другие функции этих программ я использую постоянно. Именно цифровые сервисы, связанные с командной работой и управлением проектами, лидируют в списке технологий, незнакомых российским социальным и гуманитарным исследователям, который представили Екатерина Арье и Оксана Мороз. Реплика Елены Соколовой показывает, что технологии эти в российском социогуманитарном сообществе все же известны, по крайней мере отдельным представителям молодого поколения, но, похоже, еще не стали предметом рефлексии. Действительно, эра больших коллективных социальных и гуманитарных проектов в России только начинается — с недавним переходом на финансирование в виде мегагрантов. Так что освоение цифровых технологий академического сотрудничества и анализ их влияния на научную жизнь, процесс и результаты исследований еще впереди. А значит, «Антропологический форум» еще не раз вернется к проблематике цифровых медиа, которые стремительно меняются и меняют нас и нашу повседневность.

Большое спасибо всем, кто принял участие в дискуссии!

Библиография

Jackson J.B., Anderson R. Anthropology and Open Access // Cultural Anthropology. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 236–263.

Александра Касаткина

Forum

Academic Studies of Culture and the Internet as a New Public Sphere

As technology develops, digital communication becomes more and more important in the academic world. Thanks to social media, the researcher and his or her personal and professional networks are now on full view to the general public, including present and potential informants. Increasingly, social media has become the place for professional discussion and the creation of networks, and drafts of articles are often posted before they are published. This practice comes into conflict with the copyright politics of some peer-reviewed journals. Participants of the “Forum” (written round-table) answer questions on academic life and research ethics in this radically new public space. They discuss such problems as scholarly publishing and evaluation, dividing their personal and professional lives online or using various types of confessional material from online sources in their work.

The discussion focuses on the issue of vulnerability of traditional, closed, and corporate, forms of scholarship, as well as the vulnerability a researcher experiences him or herself in the face of digital openness. Due to the multiplicity of audiences and publication forms available, a scholarly text is not a stable completed product anymore; it is being dissolved. Ethnography online changes the nature of the researcher’s presence in the field while the specific life of words online makes one review the criteria of quality and ethics of field-data representation.

Keywords: the Internet, digital public sphere, ethics, online publication, social networks, digital media, social media, digital ethnography.

References

- Baker A., “‘Cultural Imperialism Is Dead’: Castells”, 2014, July 18. <<http://artsonline.monash.edu.au/journalism/cultural-imperialism-is-dead-castells/>>.
- Ballard C., ‘The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History’, *The Asia Pacific Journal of Anthropology*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 136–148.
- Borgman C. L., *Scholarship in the Digital Age: Information, Infrastructure, and the Internet*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2007, 336 pp.
- Bruns A., *Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Prodosage*. New York: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2008, 418 pp.
- Eynon R., Fry J., Schroeder R., ‘The Ethics of Internet Research’, *The SAGE Handbook of Online Research Methods*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2008, pp. 23–41.

- Gray P. A., 'Memory, Body, and the Online Researcher: Following Russian Street Demonstrations via Social Media', *American Ethnologist*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 500–510.
- Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (eds.), *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. London: Taylor & Francis (Routledge), 2016, 536 pp.
- 'How Mesh Networks Work?' 2012, Dec. 4. <http://www.youtube.com/watch?v=tYLU755T6_I>.
- Jackson J. B., Anderson R., 'Anthropology and Open Access', *Cultural Anthropology*, 2014, vol. 29, no. 2, pp. 236–263.
- Kendall L., *Hanging out in the Virtual Pub: Masculinities and Relationships Online*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002, 309 pp.
- Marasanova M. V., 'Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyi aspekt (o nauchnoi konferentsii v Iaroslavle)' [Private and Public: Gender Aspect], *Etnograficeskoe obozrenie*, 2012, no. 2, pp. 193–195. (In Russian).
- Markov G. E., Gromov G. G., 'Zhurnal "Sovetskaia etnografiia" v 1953–1954' [Journal Sovetskaia etnografiia in 1953–1954], *Voprosy istorii*, 1955, no. 7, pp. 132–137. (In Russian).
- Miller D., *Tales from Facebook*. Cambridge: Polity, 2011, 220 pp.
- Ssorin-Chaikov N. V., 'O diskurse kak obmene i izobretanii Zapada v antropologii antropologii: predvaritelnye zametki' [On Discourse as Exchange and the Invention of the West in the Anthropology of Anthropology: Preliminary Notes], *Istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 102. <<http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/65>>. (In Russian).
- Strukov V., 'Russian Internet Stars: Gizmos, Geeks, and Glory', Goscilo H., Strukov V. (eds.), *Celebrity and Glamour in Contemporary Russia: Shocking Chic*. London: Routledge, 2010, pp. 144–169.
- Turkle S., *Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age*. New York: Penguin Press, 2015, 448 pp.
- Tutorskiy A. V., 'Razvitie Internet-resursov po etnograficeskoi / antropologiceskoi tematike v 2003–2013 gg.' [The Development of Internet Resources on Ethnography / Anthropology in 2003–2013], *Istoricheskaia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh i obrazovanii* [Historical Informatics. Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education], 2013, no. 2, pp. 31–41. (In Russian).
- Warschauer M., *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004, 274 pp.